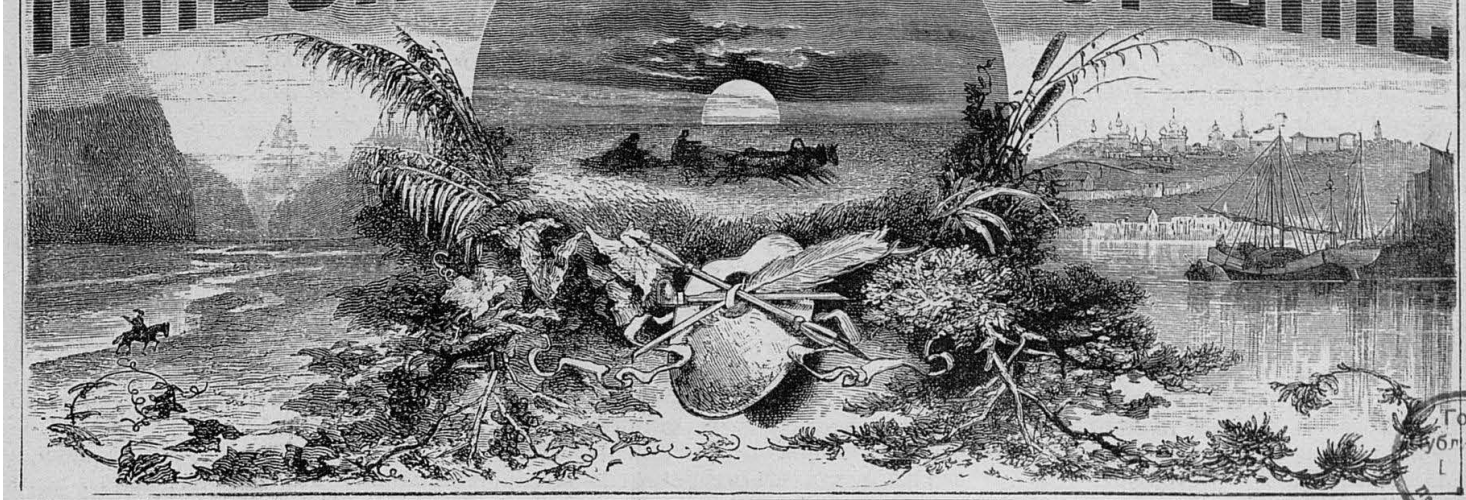
Годъ изданія 63-й. № 4 Воскресенье, 25-го января 1898 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



Гос. публичн. Ленинград

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1898 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 40 НУМЕРАМИ «ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ», 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.

„ **ПОЛГОДА** (съ доставкою). 4 р. — **На ТРИ мѣсяца** (съ доставкою). 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Первобытныя времена». Съ картины Анны Ли-Мерриттъ. Гравировалъ В. Адтъ.

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ ГОРНОЙ БУХАРѢ.

Очеркъ.

МУСУЛЬМАНСКІЙ Новый годъ празднуется весной послѣ уразнаго мѣсяца рамазана, что соотвѣтствуетъ началу мѣсяца марта. Мнѣ пришлось встрѣчать этотъ чужой Новый годъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Бухарскаго ханства, гдѣ и вообще-то плоды просвѣщенія не достигли большой зрѣлости. Все-таки дѣло было въ городѣ, гдѣ я гостила у Бека, соединяющаго въ своей особѣ званія губернатора, предсѣдателя окружнаго суда, директора государственнаго банка и проч., и проч. и имѣющаго полное право приказать перепилить на базарѣ горло любого изъ своихъ подчиненныхъ. Къ чести моего хозяина скажу, что этимъ правомъ онъ не пользовался, чѣмъ и заслужилъ, какъ это почти всегда бываетъ, два совершенно противоположныхъ сужденія. Нѣкоторые говорили: «очень хорошій у насъ Бекъ; хотя закетъ *) беретъ не меньше другихъ, но за то до сихъ поръ еще никого не зарѣзалъ».

Другіе же, болѣе склонные къ репрессивнымъ мѣрамъ, посмотрѣвъ, нѣтъ-ли кого-нибудь изъ приближенныхъ ихъ властителя, скороговоркой произносили: «чортъ его знаетъ, что это за Бекъ, закетъ деретъ не меньше другихъ, а до сихъ поръ еще никого не зарѣзалъ!»

Что касается меня, я была перваго мнѣнія и находила его умнымъ, много видѣвшимъ старикомъ, интереснымъ собесѣдникомъ и, въ сущности, добрымъ человѣкомъ, конечно, не чуждымъ обще-мусульманскихъ пороковъ: льстивости, хитрости и корыстолюбія, что ничуть не мѣшало мнѣ очень любить его общество и проводить долгіе вечера, усѣвшись на медвѣжьей шкурѣ въ той позѣ, какъ обыкновенно изображаютъ «турку» на вывѣскахъ табачныхъ лавочекъ, грызя приторныя восточныя сласти, запивая ихъ зеленымъ чаемъ изъ плоскихъ маленькихъ чашечекъ и жадно слушая неторопливые разсказы важнаго сѣдо-бородаго старика, въ бѣлоснѣжной чалмѣ и пестромъ шолковомъ халатѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ о блестящемъ прошломъ мусульманскаго міра, о Тэймурѣ — завоевателѣ, о своей далекой юности, о взятіи Самарканда русскими, чего онъ былъ очевидцемъ, о своемъ пророкѣ, который современемъ возстановитъ мусульманское владычество и т. п... И какимъ горячимъ, юношескимъ блескомъ загорались подчасъ эти потухшіе, старческіе глаза, какъ выпрямлялся сгорбленный станъ, какою глубокою вѣрою дышали слова, даже чалма дѣлалась какъ будто еще бѣлѣе, а цвѣты халата такъ же ярко пестрѣли, какъ тѣ чудныя восточныя легенды, которыя мнѣ разсказывалъ этотъ отживающій представитель отживающаго государственнаго строя. Но дѣло не въ этомъ. Итакъ, я пріѣхала въ гости къ Беку какъ разъ подъ мусульманскій Новый годъ.

Старикъ, по обыкновенію, радушно встрѣтилъ меня, наговорилъ кучу вычурныхъ комплиментовъ и сказалъ, что я пріѣхала какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ завтра начнется цѣлый рядъ празднествъ, которыми онъ будетъ радъ развлечь меня.

На другой день, утромъ, ко мнѣ явился одинъ изъ безчисленной челяди Бека и доложилъ, что всѣ отправились въ мечеть, гдѣ будутъ ждать меня, чтобы вмѣстѣ ѣхать на тамашу, т. е. зрѣлище. Узнавъ, что тамаша будетъ происходить недалеко за городомъ, я хотѣла пойти туда пѣшкомъ, но мой собесѣдникъ рѣшительно воспротивился этому, говоря, что подобный поступокъ нарушитъ всѣ правила бухарскихъ приличій, если гостья Бека пойдетъ пѣшкомъ; да и просто онъ, Сандъ Мурадъ, не понимаетъ, какъ можно, имѣя хорошую лошадь, утомлять собственныя ноги. Дѣлать нечего, пришлось облачиться въ черкеску и ѣхать въ мечеть въ сопровожденіи вѣстового Бондаренки и нѣсколькихъ человѣкъ мѣстныхъ нукеровъ (слугъ).

Мы подъѣхали какъ разъ во-время: молитва кончилась, и всѣ ждали только знака, чтобы сѣсть на лошадей. Наконецъ, изъ мечети вывели подъ руки Бека, одѣтаго въ богатый атласный халатъ на куньемъ мѣху, и усадили его на лошадь. Всѣ вскочили въ сѣдла и выстроились по старшинству. Впереди ѣхалъ Бекъ, за нимъ большіе чиновники, съѣхавшіеся къ этому дню со всего бекства, за ними слуги Бека, потомъ пріѣзжая челядь и т. д. «А гдѣ же ханымъ?» освѣдомился мой хозяинъ. Я подъѣхала къ нему съ неизбѣжнымъ «Ассалямалейкумъ».

— Боже мой, да ты ли это, ты совсѣмъ мальчикомъ стала.—Я отвѣтила, что я всегда такъ ѣзжу верхомъ и что всѣ привыкли видѣть меня такъ на улицахъ его города. «Это вѣрно, если бы ты поѣхала въ твоей курта (женское бухарское платье, которое я носила дома за невозможностью найти въ этихъ мѣстахъ ни одной «Madame Popoff modes et robes de Paris») со всѣми твоими погремушками, моя тамаша пропала-бы: всѣ станутъ смотрѣть на тебя». Я спросила, не нарушаю-ли я ихъ этикета тѣмъ, что ѣду рядомъ съ нимъ?

«О, нѣтъ, всѣ-же знаютъ, что ты моя дочь, нури чэшмэ мэн» (свѣтъ очей моихъ). Мы выѣхали за городъ. Хороша весна въ Горной Бухарѣ съ ея холмами и равнинами, покрытыми нѣжной, какъ бархатъ, зеленой травой, съ моремъ нарциссовъ, тюльпановъ, дикаго мака и еще какихъ-то странныхъ пахучихъ лиловыхъ цвѣтовъ, и только на горахъ, кольцомъ охватившихъ Кулябскую долину, искрится на яркомъ весеннемъ солнцѣ, бѣлый, какъ сахаръ, снѣгъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что мой конь, обладавшій очень безпокойнымъ характеромъ, успѣлъ укусить своего сосѣда, я отскакала въ сторону и взглянула на нашъ кортежъ.

Было на что посмотрѣть: кони—одинъ другого краше, халаты—одинъ другого ярче, впереди рыжій красавецъ Бека подъ расшитымъ чепракомъ, въ уздечкѣ и нагрудникѣ съ наборомъ чистаго золота, звенѣвшимъ на каждомъ шагу, — все это блестѣло и переливалось всѣми цвѣтами радуги подъ ласковыми лучами весенняго солнца.

Тамаша происходила въ маленькой котловинѣ, вокругъ которой высились амфитеатромъ небольшіе холмы, сплошь усѣянные массой правовѣрныхъ, сидѣвшихъ на корточкахъ и смотрѣвшихъ на тамашу, которая была уже въ полномъ разгарѣ. Шумъ стоялъ невѣроятный. Лошади бѣсились и ржали; публика съ увлеченіемъ болтала, бранилась грызла фисташки, и, не смотря на присутствіе блюстителей порядка съ палками въ рукахъ, порядка замѣтно не было. Тутъ-же неподалеку торговали въ наскоро выстроенныхъ балаганахъ мѣстные купцы и ремесленники, переселившіеся сюда съ базара на время праздниковъ.

Мы вошли въ большую пеструю палатку, поставленную на склонѣ холма такъ, что изъ нея все было видно какъ на ладони.

Всѣ усѣлись, строго соблюдая мѣстничество; на меня, конечно, это правило не простиралось, и я пересаживалась туда, гдѣ разговоръ казался мнѣ забавнѣе.

На импровизированной сценѣ, охваченной тремя рядами зрителей, за которыми толпились всадники, находившіе болѣе удобнымъ и безопаснымъ смотрѣть съ лошадей, сидѣли пѣвцы съ разнообразными музыкальными инструментами и по очереди пѣли пѣсни преимущественно лирическаго характера. Я слышала много восточныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ и, сказать по правдѣ, не была особенной поклонницей гортанной восточной музыки съ ея дикими для европейскаго уха переходами, но именно въ этомъ уголкѣ Бухары мнѣ пришлось слышать стройные граціозные мотивы, въ которыхъ были и вкусъ, и музыкальная мысль. Говорятъ, что эти напѣвы греческаго происхожденія и были сюда занесены остатками великой арміи Александра Македонскаго. Не знаю, насколько это правда; если это такъ, то остается только удивляться живучести пѣсни. Что касается словъ, въ нихъ не было ничего античнаго, это были просто восточныя любовныя пѣсенки; я приведу пару для примѣра, хотя онѣ и проиграли отъ моего слабаго перевода.

Когда ты идешь за водою,
Безпечно откинувъ лату,*)
Припавши за сѣрой скалою,
Съ тебя я очей не сведу.

* * *

Какъ роза подъ вѣтра лобзаньемъ
Колеблется станъ молодой
Подъ ярко-цвѣтнымъ одѣяньемъ
И бѣлой прозрачной латой.

* * *

И только объ этомъ Аллаха
Молю я и ночью, и днемъ,
Чтобъ ты безъ сомнѣнья и страха
Вошла бы съ кувшиномъ въ мой домъ.

Ты создана затѣмъ, чтобъ возбуждать желанье
Объятій жаркихъ въ тишинѣ ночей.
Не я одинъ испытывалъ страданье
Отъ жгучей прелести агатовыхъ очей.

* * *

Но часто вижу я, что слѣдомъ за тобою
Соперникъ мой, какъ тѣнь твоя, идетъ,
И говорю себѣ съ ревнивою тоскою:
„Отъ жизни смерть на шагъ не отстаетъ“

* * *

Измученный пришелъ я ко дверямъ хакима **)
И, постучавъ, отвѣта долго ждалъ.
Но, выйдя, онъ сказалъ: „болѣзнь неизлечима;
Лекарствомъ можетъ быть лишь губъ ея коралль“.

* * *

О, если есть въ тебѣ хоть капля сожалѣнья,
Не дай погибнуть мнѣ, цѣлуй меня скорѣй...
Но вижу: для тебя игра—мои мученья,
И жжетъ меня огонь насмѣшливыхъ очей.

Подъ эту музыку и пѣнье происходили танцы. На разостланный большой коверъ выходили танцоры или, какъ ихъ здѣсь называютъ, джеваны.

Пестро одѣтые, красивые мальчики съ бубенчиками на ногахъ сперва медленно, потомъ быстрѣе двигались въ тактъ музыки. Танецъ собственно состоялъ не въ различныхъ па, а въ позахъ и тѣлодвиженіяхъ, подчасъ граціозныхъ, подчасъ, на мой вкусъ, безобразныхъ. Танцовали не ноги, а руки, грудь и плечи, только лицо оставалось неподвижнымъ, какъ у сфинкса; даже полузакрытые глаза и надменно страстная складка губъ напоминали египетскую загадку.

Въ нашей палаткѣ было чинно и скучно. Мнѣ надоѣли разговоры о закетѣ, сквернословъ дорогахъ черезъ горы, о цѣнахъ на ячмень и запоздавшія сплетни бухарскаго двора. Я попросила у Бека позволенія уйти (этого требуетъ бухарскій этикетъ).

Старикъ обезпокоился: «развѣ тебѣ не нравится тамаша?»

Я отвѣтила, что тамаша не оставляетъ желать ничего лучшаго, но я обѣщала зайти въ кибитку-канцелярію къ его мирзамъ.

Выйдя, я увидѣла своего Бондаренку, важно засѣдавшаго съ цыганкой во рту среди второстепенныхъ бухарскихъ чиновниковъ и объяснявшаго имъ на таджико-узбеко-малороссійскомъ нарѣчіи, что куда же бусурьманской тамашѣ до русской ярманки, какъ небо отъ земли. Я нарушила ихъ поучительную бесѣду, позвавъ проповѣдника за собой.

Вокругъ палатки Бека группировались палатки и кибитки важныхъ аборигеновъ; въ другихъ варили пищу и кипятили воду для зеленаго чаю.

Я вошла въ кибитку-канцелярію. Народу тутъ было видимо-невидимо. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ секретарь и писаря Бека; тутъ же, подъ шумокъ, обдѣлывались крупныя и мелкія дѣлишки, приносились жалобы и просьбы, брались взятки, тутъ же раздавались секретаремъ жалованные Бекомъ халаты, имѣющіе въ Бухарѣ значеніе ордена, утвержденія въ должности, жалованья за службу.

Тутъ же сидѣли наплясавшіеся до упаду джеваны.

Эти своеобразныя балерины кокетничали

*) Покрывало.
**) Доктора.

*) Подати.

не хуже любой европейской и принимали ухаживанья правовѣрныхъ всѣхъ возрастовъ.

Особенно хорошъ былъ одинъ джеванъ, ражій дѣтина лѣтъ семнадцати съ выпученными, какъ у теленка, глазами, вздернутымъ къ небу носомъ и губами бантикомъ.

Онъ безумно кокетничалъ: дѣлалъ нѣжныя мины исклонникамъ своего искусства и презрительныя по адресу подсмѣивавшихся надъ его зрѣлымъ возрастомъ и гримасами.

Не знаю, какимъ образомъ попалъ онъ въ новогодніе танцоры, куда выбираютъ самыхъ молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ; очевидно, онъ пользовался протекціей.

Бондаренко былъ совершенно шокированъ его поведеніемъ и произнесъ, предварительно плюнувъ въ сторону: «ишь старается, бісова душа, ажъ уси очи наизнанку вывернулъ».

Каково же было негодованіе честнаго малоросса, когда джеванъ, желая показать полное презрѣніе къ національнымъ предразсудкамъ, подошелъ и провелъ пальцемъ по рыжимъ усамъ Бондаренки. Нельзя было узнать обыкновенно флегматичнаго хохла; онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и схватилъ нагайку; либеральный джеванъ съ визгомъ бросился въ сторону, а я поспѣшила охладить воинственный пылъ моего личарды.

«Да вы, подывітсь, барыня, на его пыку, сама-жъ підъ нагайку просится, еще за вусы тягнетъ, проклятый бусурманъ».

Видя, что дѣло можетъ кончиться крупно, я встала и ушла изъ кибитки въ сопровожденіи Бондаренки, бурчавшаго иксъ-комплименты по адресу джевана. У меня разболѣлась голова отъ всего этого шума и гама; я велѣла привести нашихъ лошадей и поѣхала въ степь. Отъѣхавъ немного, я увидѣла толпу всадниковъ, съ увлеченьемъ дравшихъ козла.

Не придавай, читатель, этому выраженію русскаго смысла; у насъ «драть козла» значитъ пѣть съ чувствомъ, но безъ голоса; въ Азіи это имѣетъ слѣдующее значенье: на возможно ровную поляну съѣзжаются на лучшихъ скакунахъ всадники изъ окрестныхъ кишлаковъ. Одинъ изъ нихъ везетъ зарѣзаннаго и выпотрошеннаго козла, котораго и бросаетъ на землю передъ наиболѣе почетнымъ гостемъ; этотъ поднимаетъ козла, не слѣзая съ сѣдла, и мчится карьеромъ по степи, другіе бросаются за нимъ и, нагнавъ, отбиваютъ добычу. Если козелъ упалъ на землю, всѣ стараются его поднять, давка происходитъ страшная, каждый, безъ зазрѣнія совѣсти, работаетъ нагайкой, лошади бѣсятся, люди падаютъ; наконецъ какой нибудь удалецъ выхватываетъ изъ подъ ногъ лошадей козла и скачетъ какъ безумный, положивъ его подъ правую ногу и взявъ нагайку въ зубы. Мнѣ почему то всегда при взглядѣ на такую фигуру, точно пришитую къ спинѣ сухого, горячаго коня, который вытянулся въ струнку и птицей летитъ по высокой степной травѣ, вспоминались «злы татаровья», дикая орда, взявшая Россію въ свои желѣзныя немытыя лапы. И не будь на свѣтѣ бездымнаго пороху и скорострѣльныхъ винтовокъ, съ этой силой пришлось бы считаться. Но теперь слабые потомки сильныхъ отцовъ довольствуются тѣмъ, что дерутъ безотвѣтнаго козла, да скачутъ, очертя голову, чтобы хоть этимъ отвести свою азіатскую душу.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока нѣсколькимъ счастливцамъ не удастся разбить голову (умершій на байгѣ, т. е. дранъе козла, считается святымъ), поломать руки и ноги, что ничуть не нарушаетъ общаго веселья, и пока кто-нибудь благополучно не домчитъ до поселка козла, обратившагося въ котлету, и не броситъ его въ первый попавшійся дворъ, хозяинъ котораго обязанъ за честь приготовить угощеніе, гдѣ важную роль играетъ тотъ же многострадальный козелъ.

Это любимая игра таджиковъ и узбековъ. По поводу праздника, похоронъ, свадьбы, ей предаются старъ и младъ.

Насмотрѣвшись на скачку, мы двинулись дальше. Мнѣ пришло въ голову осмотрѣть старую крѣпость, давно уже манившую меня своими полуразрушенными стѣнами и бойницами, темнѣвшими точно глазныя впадины черепа въ круглыхъ угловыхъ башняхъ. Доѣхавъ до нея, я оставила Бондаренку съ лошадьми и, не безъ труда, вскарабкалась по крутой тропинкѣ на холмъ, гдѣ высились когда то грозныя стѣны, въ которыхъ время пробило не одну брешь.

Я спустилась внутрь и пошла осматривать постройки, наполнявшія крѣпостной дворъ. Большинство изъ нихъ были глинобитныя и хорошо сохранились, только крыши были наполовину разобраны и растасканы для практическихъ цѣлей, да полы густо поросли высокой травой. Какъ разъ по серединѣ виднѣлись остатки большого зданія изъ жженаго кирпича со слѣдами изразцевъ, но все это было разбито, разбросано и разграблено невѣжественнымъ населеніемъ.

Насколько людно и шумно было на тамашѣ, настолько здѣсь было тихо и пустынно. Глубокое безмолвіе царило въ этомъ уголкѣ прошлаго. Смертью вѣяло отъ разрушенныхъ построекъ, отъ ступенекъ, поросшихъ травой, отъ заглохшаго, затянутаго тиной источника, который, вѣроятно, весело искрился и журчалъ былые годы и поилъ прозрачною водою осажденныхъ обитателей крѣпости. Изъ каждой ниши, изъ каждаго угла глядѣли все тѣ же насмѣшливые глаза безпощаднаго времени. Даже весеннее солнце не красило этой картины; оно какъ бы говорило: «Да, да, когда и вы, теперешніе, уйдете тула же, когда ваши имена сотрутся съ могильныхъ плитъ, когда ваши постройки, ваша цивилизація сдѣлаются такимъ же курьезомъ, какъ эти башни и дома, я буду по прежнему аккуратно вставать и ложиться. Можетъ быть, я немного остыну, но вы то этого не увидите, нѣтъ, не увидите».

Около меня зашелестѣла трава: шествовали двѣ черепахи, неторопливо перебирая короткими лапами. Я щелкнула нагайкой; обѣ, какъ по командѣ, спрятались въ свои квартиры. Ихъ появленіе навело меня на мысль, что здѣсь есть, вѣроятно, и змѣи, которыхъ я очень боюсь, и я рѣшила, что пора уходить по добру по здорову. Мнѣ не хотѣлось вернуться по старой тропинкѣ; я взобралась на стѣну, чтобы ориентироваться и поискать новаго спуска. Подъ стѣной раскинулись чьи то сады, очевидно обитаемые, но спуска не было. Съ моего наблюдательнаго пункта открывался красивый видъ. Заходящее солнце было окружено лучами; половина ихъ раскинулась громаднымъ вѣеромъ по небу; другіе блистали на снѣжныхъ вершинахъ горъ, купались въ бурливомъ Пянжѣ, золотили зеленую траву, сѣрую дорогу, верхушки деревьевъ и плоскія крыши мусульманскихъ домиковъ. Я заглядѣлась и замечталась. Мое созерцательное настроеніе было прервано визгливымъ бабьимъ голосомъ, отчетливо произносившимъ разнородную таджикскую брань. Я оглянулась и съ грустью убѣдилась что все это относится прямо ко мнѣ.

— Ахъ, ты, паршивый мальчишка, сынъ кяфира (невѣрнаго), зачѣмъ ты торчишь здѣсь? Развѣ ты не видишь, что здѣсь женщины?

Дѣйствительно, нѣсколько мусульманскихъ дамъ съ визгомъ: «урусъ, кяфиръ» выскочили изъ подъ куста и убѣгали полнымъ карьеромъ. Я попробовала столковаться съ разгнѣванной дуэньей. — Бабушка, не сердись, я такой же мальчишка, какъ и ты.— На это посыпался цѣлый градъ самыхъ нелестныхъ эпитетовъ.

— Или ты думаешь, что я ослѣпла въ тотъ же день, какъ ты родился, негодный? Вотъ я пошлю мужчинъ, они съ тобой поговорятъ. — Послѣдняя угроза меня обезпокоила, кромѣ нагайки у меня ничего не было, да если бы и было, казусъ все-таки не изъ пріятныхъ. Я хотѣла спрыгнуть назадъ, потеряла равновѣсіе и со скоростью шестидесяти верстъ въ часъ полетѣла, увы, не въ крѣпость, а въ арыкъ (канава для искусственнаго орошенія) прекраснаго, зеленаго сада, которымъ я всего пять минутъ тому назадъ такъ мирно любовалась съ вершины стѣны. Мой полетъ можно по слѣдующимъ соображеніямъ считать удивительно удачнымъ: во первыхъ, въ арыкѣ было воды ровно настолько, чтобы выпачкаться въ грязи съ головы до ногъ, а во вторыхъ, я разорвала рукавъ черкески и ушибла руку тамъ, гдѣ человѣкъ менѣе счастливый навѣрное свернулъ бы себѣ шею.

Убѣдившись, что я жива, я не стала заботиться о приведеніи своего костюма въ порядокъ, какъ это дѣлаютъ многіе легкомысленные люди въ подобныхъ случаяхъ, а стала соображать, какъ бы благополучно улизнуть изъ чужихъ владѣній, гдѣ могли быть и сторожа, и собаки. Мои недолгія размышленія были прерваны стукомъ копытъ, я увидѣла нѣсколько благородныхъ таджиковъ, лихо бравшихъ барьеры черезъ низенькіе заборы, отдѣляющіе одинъ садъ отъ другого и скакавшихъ по направленію ко мнѣ съ дреколіемъ въ рукахъ и съ воинственными намѣреніями въ сердцѣ. Очевидно, старую вѣдьму ничуть не растрогалъ мой полетъ съ четвертаго этажа, напротивъ, она усмотрѣла въ этомъ съ моей стороны новыя козни, направленныя противъ беззащитныхъ красавицъ Востока.

Бѣжать было глупо. Я сѣла на камень и сдѣлала физіономію человѣка, невинно наслаждающагося красотами природы. Мои враги подскакали; я оглянулась и увидѣла знакомыя физіономіи нукеровъ одного купца. Физіономіи сдѣлались нѣсколько растерянными и сконфуженными. Но надо всегда быть немного дипломатомъ.

— Здравствуй, ханымъ, какъ поживаешь, какъ твое здоровье? — «Спасибо, понемногу, какъ ты?» — Альхамдулилля, все слава Богу, время хорошее, но скоро начнутся жары. — «Да, жары, это непріятно. Славная подъ тобою лошадь. Можетъ быть, я сижу на дорогѣ и мѣшаю тебѣ проѣхать?»

— Нѣтъ... да... видишь ли... проклятыя бабы... сказали, что къ нимъ залѣзъ урусъ, хотѣлъ ихъ утащить... ахъ, ханымъ, всѣ несчастья изъ за женщинъ!

При взглядѣ на мой разстроенный костюмъ, я невольно согласилась съ философскимъ выводомъ моего собѣсѣдника.

Мы потолковали още о томъ-о-семъ, о существѣ, посланномъ въ міръ, чтобы сѣять зло и посящемъ имя женщины, о погодѣ, о тамашѣ, которую они не видѣли, такъ какъ были заняты охраной дома своего хозяина; потомъ они меня проводили на дорогу, гдѣ подъ тѣнью чинара стояли мои лошади и покоился мирнымъ сномъ Бондаренко.

— Бондаренко, лошадь!—Онъ вскочилъ, и лицо его выразило недовѣріе и изумленіе. Онъ протеръ глаза и еще разъ взглянулъ на меня, но Азія удивительно развиваетъ дипломатическія способности, поэтому физіономія Бондаренки моментально приняла обыкновенное глубоко равнодушное выраженіе, и онъ почтительно произнесъ.

— Такъ что, черкесочку разорвать изволили, дозвольте вечіромъ зачіню. Да и сонечко сідаетъ, время лошадей разсѣдлать, увись дінь підъ сѣдломъ стоялы.

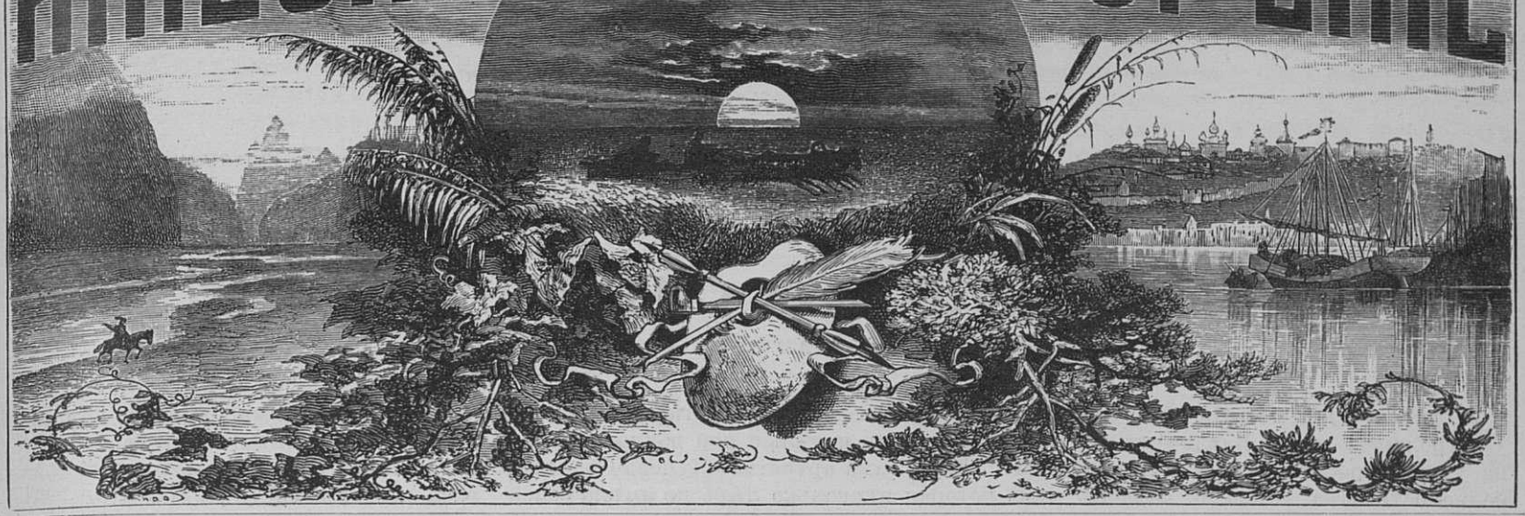
Это въ переводѣ на русскій языкъ значило: «пожалуйте домой, потому что ѣхать въ такомъ видѣ на тамашу никакъ невозможно».

Такъ я и сдѣлала, отложивъ продолженіе тамаши до слѣдующаго дня.

Венхо.

Годъ изданія 62-й. № 17 Воскресенье, 27 апрѣля 1897 г.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ГОДЪ (съ дост. и перес. по Имперіи). 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. 50 к.—Въ Москвѣ. 7 р. 75 к.
НА ПОЛГОДА (съ дост.). 4 р.—**НА ТРИ МѢСЯЦА** (съ дост.) . 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ НА ГОДЪ** (съ книгами). . . . . 16 р. —

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить въ 1897 г. новый художественный альбомъ **„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ“** знаменитаго художника Густава Доре (200 картинъ съ текстомъ и въ изящной оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. (съ доставкой и пересылкой), а за большія олеографическія картины—уплачиваютъ **одинъ рубль** за каждый экземпляръ (съ доставкой). **Подписчики, подписывающіеся съ разсрочкою взносовъ**, могутъ получить этотъ альбомъ, а также и другія художественныя изданія, только по уплатѣ ими сполна годовой подписной цѣны за журналъ (8 р. 50 к.), а также стоимости альбома (1 р. 50 к.) или выбранной ими картины (съ доставкой и пересылкой).

Главная контора журнала проситъ гг. подписчиковъ, желающихъ получить въ 1897 г. альбомъ „БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ“, заявлять свои требованія при подпискѣ.

Подписка на полученіе журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» безъ доставки принимается: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ въ Главной конторѣ журнала: Невскій пр. (у Аничкова моста), д. № 68—40.—Въ МОСКВѢ: въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ и въ книжномъ магазинѣ Н. КЛЕЙНА (бывшій Лидерта), Петровскія линіи, № 10.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ 1897 ГОДА.

«Весенняя ночь». Съ новой картины профессора Ю. Клевера.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА ВЪ ГОРНОЙ БУХАРѢ.

(Очеркъ русской дамы).

Соколиная охота въ Россіи почти отошла въ область преданій, но въ Бухарѣ, гдѣ сохранился даже чинъ Кушъ-Беги, т. е. Сокольничій, начальникъ птицъ, она еще представляетъ любимый родъ спорта, въ особенности въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ псовая охота немыслима. Любовь бухарцевъ къ соколиной охотѣ совершенно понятна: ружей нѣтъ, если не считать архаическія фузеи, фунтовъ въ тридцать вѣсомъ, изъ которыхъ стрѣляютъ, положивъ ее предварительно на рогатыя желѣзныя подставки, насыпавъ на полку пороху и подпаливъ его зажженымъ фитилемъ. Происходитъ громъ, какъ изъ пушки, но результатомъ этого выстрѣла частенько бываетъ не убитая дичь, а разбитый носъ или опаленная борода смѣлаго стрѣлка. Челяди у самаго маленькаго бухарскаго чиновника цѣлое полчище. Не говоря уже о бекахъ и амлякдарахъ, для которыхъ каждый житель управляемаго города или кишлака (поселка) слуга, но и деревенскія власти—шахи, мирахуры держатъ штатъ человѣкъ по двадцати. Вся эта оборванная полуголодная банда исполняетъ различныя обязанности при дворѣ своего повелителя, который кормитъ и одѣваетъ ее сообразно съ количествомъ получаемыхъ взятокъ. Значитъ, есть кому вынашивать, выкармливать и дрессировать соколовъ-красавцевъ на заглядѣнье. Большіе, сильные, съ зоркимъ свѣтлымъ взглядомъ, острыми когтями и клювомъ, они составляютъ предметъ гордости и попеченій владѣльца и цѣнятся довольно высоко; ими же даются взятки или, какъ здѣсь говорятъ для приличія, «силяу», т. е. подарокъ. Лучшіе сокола водятся въ горахъ бекства Бельжуанскаго, откуда ихъ развозятъ по всей Бухарѣ. Берутъ соколовъ по возможности молодыми, вынашиваютъ на рукѣ, одѣтой въ самодѣльную перчатку, фасонъ которой не сдѣлалъ бы большой чести Буассонаду или Жувену, и придерживая за ремешки, зашитые на ногахъ птицы; въ колпачкѣ, надвинутомъ на глаза; морятъ голодомъ, и мало-помалу изъ необразованнаго дикаренка вырабатывается умная, послушная птица, знающая своего хозяина. Первый дебютъ молодого сокола происходитъ обыкновенно на дворѣ: но полнаго довѣрія новичекъ еще не заслужилъ, поэтому на ногу ему привязываютъ длинную бичевку. Жертвами воспитательныхъ опытовъ бываютъ обыкновенно перепела, пойманные сѣтью.

Этотъ родъ охоты тоже существуетъ въ Бухарѣ, но до дудочекъ бухарцы еще не додумались, а подсвистываютъ губами, по сколько Богъ таланта далъ.

Голодный хищникъ, освобожденный отъ стѣснительной шапочки, чувствуетъ, что его ноги и крылья свободны, но еще не вѣритъ свободѣ, онъ только вздрагиваетъ, чиститъ перья, расправляетъ крылья, да дико озирается по сторонамъ. Но вотъ тяжело взлетѣлъ первый перепелъ; повинуясь врожденному инстинкту, рванулся соколъ впередъ; догнать и поймать жирную жертву—дѣло одной минуты. Воспитатель и зрители привѣтствуютъ довольными возгласами, которые необстрѣленный европеецъ легко можетъ принять за воинственный крикъ и призывъ къ оружію, первую побѣду будущаго героя, но воспользоваться ею соколу не удается: или его сманиваютъ на руку другимъ перепеломъ, или, если приманка не дѣйствуетъ, попросту отнимаютъ добычу, не смотря на отчаянное сопротивленіе. Сокола пускаютъ на второго и третьяго перепела и, если онъ хорошо словитъ и послушно отдаетъ, его кормятъ, но изъ рукъ, чтобы не привыкъ драть пойманную дичь. Понемногу его пускаютъ безъ бичевки и, когда воспитаніе считается законченнымъ, вывозятъ въ свѣтъ на большія охоты.

Помощникамъ соколамъ служатъ мѣстныя «охотничьи собаки». Я не могу придумать ничего точнѣе этого дамскаго опредѣленія собачьей породы, такъ какъ названіе ея мнѣ неизвѣстно, а бухарцы всѣхъ собакъ огуломъ, называютъ «собака» и не даютъ имъ даже кличекъ. Супругъ мой по обыкновенію быстро и безапелляціонно рѣшилъ, что собаки эти просто «Мириканской» породы или, какъ говорятъ, собачья выставка, т. е. всѣхъ породъ понемногу; но я не раздѣлила его мнѣнія и, приглядѣвшись внимательнѣе, нашла общій типъ бухарской охотничьей собаки, который и постараюсь описать возможно точно: можетъ быть, человѣкъ знающій и опредѣлитъ эту породу. Бухарская собака маленькаго роста, не болѣе шести-семи вершковъ; рубашка въ большинствѣ случаевъ темно-шоколадная или бѣлая съ коричневыми подпальнами; шерсть густая, средней длины, мягкая, гладкая; уши длинныя, покрытыя болѣе шелковистою шерстью, чѣмъ на тѣлѣ; морда скорѣе острая, чѣмъ тупая; тѣло и ноги стройныя, пропорціональныя; о хвостѣ ничего не могу сказать, такъ какъ бухарцы его обрубаютъ, что, по ихъ мнѣнію, сохраняетъ собакѣ чутье и увеличиваетъ злобность. Вообще бухарская собака немного напоминаетъ сеттера въ миніатюрѣ, только морда у нея поострѣе. Чутье у нихъ хорошее, но стойки по дичи онѣ не дѣлаютъ, а просто выгоняютъ утокъ, курочекъ и фазановъ. Ищутъ и выгоняютъ безъ лая. Вотъ и все, что я могу сообщить о бухарской собакѣ.

Съ соколомъ ходятъ на охоту въ одиночку; этимъ обыкновенно занимаются поставщики дичи на барскій столъ. Гораздо интереснѣе большая охота, на которую съѣзжается за сто верстъ кругомъ бухарское начальство со всѣми присными.

Тутъ дѣйствительно есть на что посмотрѣть, начиная съ лошадей и соколовъ и кончая пестрыми костюмами важныхъ представителей власти и правосудія.

Мнѣ пришлось участвовать въ такой охотѣ, благодаря любезности сосѣда—бека.

Въ началѣ мое появленье верхомъ по мужски на лошади въ сопровожденіи переводчика, въ невиданномъ здѣсь черкесскомъ сѣдлѣ и костюмѣ, вызвало цѣлую сенсацію. Что я ѣзжу верхомъ въ мужскомъ сѣдлѣ, это никого не удивило, здѣсь, по горамъ, нѣтъ другого способа передвиженія, и мѣстныя дамы ѣздятъ также, но шажкомъ и закутавъ въ большинствѣ случаевъ красивую мордочку головнымъ покрываломъ.

Но женщина, ѣдущая на охоту, это нѣчто вродѣ Бѣлаго Арапа, Сіамскихъ Близнецовъ и тому подобныхъ удивительныхъ вещей. Многіе изъ присутствующихъ въ первый разъ въ жизни видѣли европейскую женщину, но у нихъ хватило достаточно силы воли, чтобы сдержать порывы своей любознательности и не потрогать меня руками, какъ это часто дѣлаютъ европейцы, наши русскіе пейзане, при видѣ какого-нибудь чуда природы, и желая убѣдиться «всамдѣлишнее» ли оно?

Впрочемъ, глазъ человѣческій скоро привыкаетъ къ самымъ великолѣпнымъ произведеніямъ природы и искусства, поэтому черезъ полчаса, видя, что я не валюсь съ лошади, держусь за поводья, а не за хвостъ и, выслушавъ объясненья хозяина бека, которыя я поняла приблизительно такимъ образомъ, что, молъ, вы, друзья мои, не удивляйтесь, это женщина русская (зэнэ урусси), а на нихъ законъ не писанъ: она не только на охоту ѣздитъ, но даже письма пишетъ и съ мужемъ изъ одной тарелки ѣстъ, чего же вамъ еще?!

Мои спутники успокоились, освоились съ моимъ обществомъ, забросали самыми нелѣпыми вопросами и, въ заключеніе, предложили мнѣ перейти въ мусульманство и выбрать любого изъ нихъ.

Въ этихъ пріятныхъ разговорахъ мы выѣхали изъ кишлака въ поле, гдѣ мнѣ былъ произведенъ строгій экзаменъ верховой ѣзды: т. е. пускали лошадей карьеромъ и ждали, когда «зэнэ урусси» закопаетъ рѣпу; но этого, слава Богу, не случилось, мѣсто было ровное, лошадь подо мной рѣзвая и крѣпконогая.

Глядя на эту пеструю картину, невольно приходили на память выѣзды тишайшаго царя Алексѣя Михайловича на потѣху соколиную. Право, можно было бы найти много аналогичнаго. Крупныя, горячія лошади, потомки знаменитыхъ аргамаковъ, такъ дорого цѣнившихся въ Россіи; азіатскія сѣдла съ плоскимъ арчакомъ объ одной лукѣ, покрытыя яркими золотомъ шитыми чапраками; уздечка вся увѣшанная серебряными украшеніями; сапоги алъ-сафьянъ на высокомъ узкомъ каблукѣ; шуба барашекъ мелкій, крыта бархатъ-синь со травы серебряны, бобромъ оторочена; на правой рукѣ младъ ясенъ соколъ ножными бубенчиками тихо позвякиваетъ...

Вотъ только голова поднортила: вмѣсто высокой «горлатной» шапки бѣлѣетъ чалма, обернутая вкругъ пестрой тюбетейки. Если бы надѣть на нихъ бобровыя шапки, да вмѣсто ястребиныхъ азіатскихъ носовъ придѣлать добродушные русскіе, кому рѣпой, кому луковицей, отличные бы бояре вышли. Мы въѣхали въ большую котловину. По берегу рѣки тянулись посѣвы хлопка; налѣво, вплоть до горъ раскинулась степь, покрытая высокой побурѣвшей травой (дѣло было въ сентябрѣ мѣсяцѣ) и мелкимъ кривымъ кустарникомъ.

Таборъ нашъ разбился на партіи, разъѣхавшіяся въ разныя стороны. Бекъ, я, его сынъ и свита двинулись по направленію къ горамъ. Лошади шли широкой ходой, едва поспѣвая за собаками и тремя пѣшими псарями, которые бѣжали легкой иноходью и уськали собакъ на таджикскомъ діалектѣ. Съ соколовъ сняли шапочки. Собаки выгнали перваго фазана; пулей рванулся за нимъ громадный соколъ бека, извѣстный во всемъ округѣ своими качествами. Испуганный фазанъ бросился къ землѣ, надѣясь спрятаться въ густой травѣ, откуда его спугнули соба-

ки, да не успѣлъ онъ упасть на землю, налету вонзились въ него острыя когти сильнаго врага, опустившагося вмѣстѣ со своей добычей.

Нѣсколько мгновеній сидѣлъ соколъ, сжимая и разжимая когти, наслаждаясь судорогами полумертвой жертвы. Онъ не клевалъ ее; онъ только когтилъ, устремивъ въ даль безсмысленный и жестокій взглядъ своихъ желтыхъ прозрачныхъ глазъ. Сокольничій бека спрыгнулъ съ лошади, вынулъ изъ за пазухи перепелку и началъ махать ею передъ глазами сокола, тотъ, думая, что это новая дичь, а можетъ быть въ силу принциповъ и понятій о долгѣ, бросилъ пытавшагося убѣжать фазана и сѣлъ на руку сокольничему, который и передалъ его беку. Фазану оторвали голову, чтобы выпустить кровь, что необходимо по мусульманскому закону, и бросили его въ мѣшокъ.

Мы двинулись дальше. Дичи было много; курочки поднимались цѣлыми стаями, и начиналась настоящая потѣха: или два сокола брали одну курочку и дрались на воздухѣ, или какой-нибудь юный и неопытный джентльменъ соколиной породы, увидѣвъ такую массу дичи, метался, какъ офицеръ-дирижеръ на балу у московскаго купца-милліонера, выбирая птичку пожирнѣй; упускалъ моментъ и оставался при пикомъ интересѣ къ великому конфузу хозяина и общему удовольствію почтенной публики.

Наохотившись, наморившись, мы поѣхали въ сосѣдній кишлакъ къ агъ-сакалу, т. е. старшинѣ, гдѣ для насъ былъ уготованъ отдыхъ и угощеніе—достарханъ.

Знаешь ли ты, читатель, что есть достарханъ?

Это одинъ изъ глупѣйшихъ обычаевъ, которые мнѣ когда либо приходилось видѣть.

Пріѣзжаетъ человѣкъ въ гости; обыкновенно издалека, верстъ за 20, за 30, а часто и за 50, и за 100; хозяинъ предупрежденъ о пріѣздѣ, ждетъ его. Казалось, чего бы проще приготовить гостю закусить да поплотнѣе, не тутъ-то было: входите вы въ мехманъ-ханэ, т. е. домъ для гостей, который имѣется во всякомъ бухарскомъ поселкѣ, и глазамъ вашимъ представляется чудная, по обманчивая, какъ миражъ туркестантскихъ пустынь, картина: длинный столъ, тѣсно уставленный безконечнымъ количествомъ тарелокъ, блюдечекъ, подносиковъ, чашечекъ, но «не спѣши, усталый путникъ, къ берегу золотому»... и всѣ эти чашечки, блюдечки, подносики наполнены можетъ быть и хорошими, но совершенно несвоевременными вещами. Тутъ и кишмишь, и сахаръ, и шептала, и миндаль, и орѣхи нѣсколькихъ сортовъ, и какія-то бѣлыя, приторныя бухарскія конфекты съ горохомъ въ серединѣ, и (признакъ богатства и цивилизованности хозяина) русскіе мармеладъ и леденцы съ трогательными и поучительными билетиками, которыхъ бухарцы къ сожалѣнію не могутъ прочесть и прочувствовать, и папиросы третьяго сорта, извѣстныя подъ названіемъ «махоръ très fort», и яблоки, и гранаты, и чего, чего тутъ нѣтъ... но все это—камень, просящему хлѣба.

Человѣкъ не ѣлъ съ утра, а его пичкаютъ разною сладкой дрянью. Впрочемъ, угощаютъ здѣсь не очень усердно; я даже слышала такое опредѣленіе благовоспитанности: «онъ человѣкъ очень вѣжливый, очень хорошій: изъ всего достархана одинъ орѣхъ съѣлъ».

Въ этомъ случаѣ я совершенно удовлетворяю бухарскимъ понятіямъ о благовоспитанности, ибо и до сего времени никакъ не могу привыкнуть ѣсть сласти натощакъ.

Немного погодя, когда неблаговоспитанная часть нашего общества успѣла уничтожить изъ достархана нѣсколько больше, чѣмъ по одному орѣху, принесли зеленый чай, который наливали въ чашки сомнительной чистоты и разносили гостямъ, строго соблюдая старшинство. Въ концѣ концовъ, когда мое голодное терпѣніе начало истощаться, я съ самой искренней радостью увидала поданный пловъ, супъ изъ курицы и вареную дичь свѣжей поимки.

Пообѣдавъ я поблагодарила любезныхъ хозяевъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, и поспѣшила выѣхать, чтобы засвѣтло добраться домой, хотя меня и уговаривали присутсвовать при дранье козла, изящномъ бухарскомъ спектаклѣ, который я опишу когда нибудь въ другой разъ.

Вспхо.

НЕ РОЙ ЯМЫ БЛИЖНЕМУ.

Разсказъ **Джузеппе Мантика.**

ДОННА Розина, длинная, тощая, съ голой худой шеей и костлявыми руками, со спутанными волосами, распухшими и загноившимися отъ сна глазами, обѣими руками придерживая юбку, еще не подвязанную у пояса и тяжело шлепая громадными туфлями своего мужа, взбѣжала по лѣстницѣ.

— Донна Кармела! Донна Кармела! — позвала она въ полголоса, приложивъ губы къ замочной скважинѣ и тихонько, тихонько постукивая жесткими пальцами, стараясь не разбудить остальныхъ обитателей, еще предававшихся пріятному утреннему сну.

— Донна Кармела! Донна Кармела!—продолжала она звать, пока не услыхала, будто вздохъ съ внутренней стороны замка.

— Иду, иду! Я еще въ одной рубашкѣ. Сейчасъ надѣну платье и башмаки и приду.

— Пустяки, между своими! — настаивала пріятельница,—я тоже совсѣмъ не одѣта. Я разскажу вамъ одну вещь и уйду.

Скрипучій замокъ потихоньку отперся, и на порогѣ появилась громадная грудь, не скрывавшаяся подъ тонкой рубашкой, которая низко спускалась до босыхъ ногъ, и посерединѣ поддерживалась животомъ, поднимавшимъ и спускавшимъ ее при дыханіи.

— Что случилось?

— Нѣчто особ иное! Вы ничего не слыхали?

— Откуда мнѣ слышать, вѣдь вы меня разбудили! Всю ночь онъ не далъ мнѣ спать, визжалъ какъ собака изъ за обыкновеннаго припадка астмы. Но, что же случилось?

— У! Ужасное происшествіе, говорю вамъ! Хоть на пари, ни за что не угадаете.—Донна Розина, гордясь, что знаетъ важную новость, сжавъ губы, цѣдила слова, наслаждаясь усиливавшимся любопытствомъ своей пріятельницы.

— Говорите-же скорѣй! Кто нибудь придетъ и увидитъ насъ почти голыхъ. Войдите на минутку и запремъ двери. И такъ?

— Микелина, вторая дочь адвоката Боско, которая казалась такой монашенкой, всегда съ опущенными глазами и скромнымъ лицомъ, сегодня утромъ, на зарѣ убѣжала съ Паулуччію, сыномъ казначея...

— Неужели? Я всегда говорила, что такъ кончится!—прервала донна Кармела.

— Что вы могли сказать? Никто не могъ этого предвидѣть!—возразила донна Розина, обидѣвшись, будто потихоньку покушались отнять у нея важность ея сообщенія.

— Но на улицахъ, и въ кофейняхъ, и въ аптекѣ Медара цѣлый день говорили, что адвокатъ послалъ сказать ему ясно и рѣшительно, если хочетъ, онъ можетъ жениться на горничной, ее онъ отдастъ ему, но чтобы о дочери его не смѣлъ и думать,—не имѣя ни кола, ни двора, онъ никогда ее не получитъ. И куда они убѣжали?

— Куда? Неизвѣстно. Мнѣ всю сцену разсказывала старуха, которая яйца носитъ и была при этомъ.

Изъ спальни послышался хриплый голосъ и прервалъ ихъ разговоръ.

— Кармела! Кармела!—кричалъ голосъ.

— Иду, иду,—также крикливо отвѣчала она, и продолжала полушепотомъ:—вотъ Матерь Божія! Проснулся! Скорѣй, скорѣй, чѣмъ же кончилось?

— Конецъ тотъ, когда она, закутавшись въ платокъ, будто въ декабрѣ мѣсяцѣ, выбѣжала изъ двери, а онъ ждалъ ее, чтобы унести въ карету, которая была недалеко за домомъ, мимо прошелъ ея дядя,—инженеръ,—онъ собрался на охоту,—узналъ ее и остановилъ. Онъ убѣжалъ, а она начала плакать. Взбѣшенный дядя перебудилъ всѣхъ сосѣдей. Хуже всего то, что этотъ дикій звѣрь, отецъ ея, не хочетъ принять ее, вслѣдствіе чего, дядя, ругаясь какъ язычникъ, долженъ былъ отвести ее къ себѣ, что изъ этого будетъ, только жена его не хочетъ ни во что мѣшаться.

— Но въ такомъ случаѣ полная неудача:—вскричала донна Кармела, нѣсколько разочарованная въ своемъ ожиданіи болѣе пикантнаго и болѣе необыкновеннаго разсказа, и почти заявляя, что изъ за такой малости не стоило труда торопиться вставать.—Только хотѣли убѣжать; хотѣли, но это имъ не удалось!

— Скверно то, что въ домѣ инженера исторія еще не кончилась; хозяйка дома кричитъ, дѣвушка плачетъ и приходитъ въ отчаяніе; дядя лишился охоты и вмѣшался во всю эту суматоху, ругается и проклинаетъ душу.

— Кармела! Кармела!—продолжалъ раздаваться голосъ мужа.

— Знаете, что я сдѣлаю?—быстро рѣшила донна Кармела,—я сейчасъ одѣнусь и побѣгу къ моей двоюродной сестрѣ; она все слышала и видѣла; вы знаете, ея балконъ приходится противъ балкона инженера Боско, и она можетъ все видѣть и слышать.

— И потомъ забѣжите ко мнѣ внизъ?

— Непремѣнно!

Донна Розина убѣжала къ себѣ, а прія-

Годъ изданія 60-й. № 28 9-го іюля 1895 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1895 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

При этомъ нумерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» разсылается всѣмъ городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ седьмая книжка «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній» № 7 (за іюль 1895 г.), гдѣ помѣщены—«Избранныя сочиненія Эдгара Поэ», съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора.

Неполучившіе почему-либо при означенномъ нумерѣ упомянутаго приложенія, благоволятъ увѣдомить Контору не позднѣе полученія слѣдующаго нумера, такъ какъ позднѣйшія претензіи Спб. почтамтъ не принимаетъ.

На террасѣ. Съ картины художника В. Веллинга.

(Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала „Живописное Обозрѣніе“ Б. Пуцъ.)

уѣхалъ раньше, Андрей-же Ивановичъ, поминая братца, сидѣлъ чуть-ли не дольше всѣхъ и не разъ во время стола съ большимъ чувствомъ начиналъ разговоръ о томъ, что они, съ братомъ Юрьемъ, не дадутъ въ обиду племянника, сиротинку Иванушку, что будутъ ему и наставниками, и руководителями, прибавляя на ушко болѣе близкимъ знакомцамъ боярамъ, что на бабій умъ, да на измѣнника Глинскаго полагаться нельзя. Меду онъ выпилъ не мало и находился въ крайне сообщительномъ настроеніи духа.

Настало время разъѣзжаться по домамъ, а Андрей Ивановичъ все еще удерживалъ бояръ, сообщая имъ свои дальнѣйшіе планы и предположенія относительно управленія государствомъ. Наконецъ поднялся и онъ и грузною, нетвердою походкою направился вонъ изъ столовой избы. Бояре проводили его до крыльца, у котораго давно уже нетерпѣливо перебиралъ ногами по снѣгу его вороной, красивый санникъ, запряженный въ большія, устланныя дорогими коврами, пошевни.

Привѣтливо простившись съ провожавшею его московскою знатью, Андрей Ивановичъ отправился на свое старицкое подворье; по бокамъ пошевней ѣхали верхомъ его бояре и слуги.—Ночь была темная.—Они миновали Архангельскій соборъ, гдѣ, оставленный и точно забытый всѣми, лежалъ теперь одиноко «братецъ»; проѣхали и деревянную постройку, нарочно возведенную для новаго колокола, который незадолго передъ тѣмъ былъ отлитъ на Москвѣ.—Пошевни уже поравнялись съ Чудовымъ монастыремъ, какъ вдругъ вороной конь пугливо бросился въ сторону, чуть не сбросивъ съ себя управлявшаго имъ возника.

— Что тамъ? крикнулъ Андрей Ивановичъ.

Рядомъ съ санями стояла высокая, лохматая фигура безъ шапки, босикомъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукѣ.

— Подсади, бояринъ,—заговорилъ незнакомецъ, какъ-бы не замѣчая произведеннаго имъ переполоха,—подсади, родненькій; идти-то далеко, а ноги словно свинцомъ налиты, ужь больно долго князя-то великаго отпѣвали, по монашески.

— Да ты кто такой?

— А человѣкъ я божій, обшитъ кругомъ кожей. — Подсади, боярингушка, Богъ тебѣ заплатитъ.

Андрей Ивановичъ былъ въ духѣ.

— Садись, пожалуй,—сказалъ онъ,—вотъ въ ноги-то. Да, можетъ, тебѣ не по-пути будетъ?

— По-пути, по-пути! Мнѣ съ добрымъ человѣкомъ всегда по-пути.

Сани тронулись.

— А ты почемъ знаешь, что я добрый? усмѣхнулся Андрей Ивановичъ. Его забавляло, что незнакомецъ, повидимому, не подозрѣвалъ, что говоритъ съ нимъ, старицкимъ княземъ, государевымъ дядею.

— Да ты себя нешто злымъ почитаешь? — освѣдомился незнакомецъ.

— Зачѣмъ злымъ? пробормоталъ Андрей Ивановичъ, не зная, что сказать.

— Вотъ то-то и есть,—продолжалъ незнакомецъ,—и злымъ быть не охота, и добрымъ — страшно: самохваломъ назовутъ. Да оно, пожалуй, отчего-бы и не похвалиться, только тогда ужь и похвальбу на дѣлѣ исполнить надо.—Ты вотъ скажи-ка мнѣ лучше, зачѣмъ Данило митрополитъ князя-то великаго постригъ? Нешто Варламомъ-то чернецомъ лучше на томъ свѣтѣ быть, чѣмъ рабомъ божіимъ Василіемъ?

— Дѣло сдѣлано,—произнесъ Андрей Ивановичъ.

— Да не по нашему сдѣлано-то. Что хорошаго? Мнѣ отъ монашескаго-то чина ноги ожгло, тебѣ руки опалило...

— Что ты врешь?—Когда опалило?

— А нешто не опалило? — Ну, прости дурака, — и впрямь, должно быть, совралъ.

— Да ты юродивый, что-ли? — заговорилъ Андрей Ивановичъ, стараясь разглядѣть незнакомца, — какъ звать тебя?

— Люди сказывали, что попъ Дементьянъ крестилъ.

— Такъ это ты-то и есть! — оживился Андрей Ивановичъ, — тотъ самый, что еще невѣсткѣ-то моей про Иванушку заказалъ: родится, молъ, Титъ — широкій умъ? — Ты вѣдь сказалъ-то? — Я тебя и во дворцѣ раза два видывалъ.

— А коли ты меня призналъ, князь Андрей Ивановичъ, — засмѣялся юродивый, — такъ я-то тебя и подавно. — Долго-ли погостишь у насъ?

— Да сорочины-то справлю, а можетъ, и подольше придется побыть. Самъ знаешь невѣсткино-то дѣло теперь вдовье, можетъ что и посовѣтовать потребуется, распорядиться чѣмъ; вѣдь мы теперь, съ братомъ Юрьемъ, старшими въ родѣ-то остались, — блюсти должны Иванушку.

— Блюдите, блюдите; помретъ такъ вамъ же все останется.

— Ну, ужь и помретъ! — Можетъ, мы сами еще раньше его помремъ-то.

— Очень просто, что и вы раньше, — засмѣялся юродивый, — помирать никому запрету нѣтъ.

— Да что ты все нескладно толкуешь-то,— заговорилъ Андрей Ивановичъ, — то онъ помретъ, то мы помремъ, — каркаешь, словно воронъ.

— Воронъ и есть! — безпечно усмѣхнулся Дементьянъ, — ворону-то — ни клѣтки, ни неволи. Каркнулъ разокъ, другой, да и дальше полетѣлъ, никому его не надо. Вотъ жаръ-птицамъ золотымъ, такъ и клѣтки золотыя припасены.

— Да ты это про кого? нахмурился Андрей Ивановичъ.

— А про себя, княже, — про себя мелю. Вотъ и пріѣхали! — Ишь ворота-то у тя здоровыя какія,—сказалъ онъ, соскакивая съ передка, — хошь князю великому впору! Знать старицкіе-то плотники, не то что наши, народъ головатый, ворота-то на всякъ случай пошире, да подюжѣе развели, — не ровенъ, молъ, часъ.

— А ну тебя! махнулъ рукою Андрей Ивановичъ, когда сани тронулись шагомъ въ отпертыя ворота. — Онъ не зналъ, гнѣваться-ли ему, или смѣяться.

Бросивъ на руки дворецкому свою богатую шубу, Андрей Ивановичъ, на цыпочкахъ приблизился къ двери опочивальни. Постель ему была приготовлена въ другой горницѣ, но онъ не могъ утерпѣть, чтобы не взглянуть на свою горячо любимую княгиню.

Жарко натопленная опочивальня, освѣщалась свѣтомъ высокой заупокойной свѣчи, которая теплилась передъ иконами; убрусы на иконахъ были отдернуты.

Въ уголкѣ у печки дремала старая няня княгини.

Андрей Ивановичъ подошелъ къ широкой, мягкой постели, на которой, разметавшись во снѣ, лежала его красавица-жена. Легкое соболье одѣяльце почти спустилось на полъ, открывая роскошный, характерно пополнѣвшій, станъ молодой женщины. Густыя черныя брови ея лежали плавными спокойными линіями, оттѣняя бѣлизну красиваго лба; глаза, опушенныя длинными рѣсницами, были плотно закрыты; пышныя полуоткрытыя губы слегка улыбались.

Долго любовался своею красавицею Андрей Ивановичъ, потомъ перекрестилъ ее, осторожно поцѣловалъ въ высокій лобъ и тихо укрылъ одѣяломъ. Рука его слегка коснулась горячаго, полнаго стана жены и лицо озарилось счастливою улыбкою.

Сынъ или дочь? подумалъ онъ и въ какомъ-то блаженномъ восторгѣ, взглянувъ на иконы, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ДАЧѢ.

Очерки ташкентской жизни, **В. Губаревичъ.**

НАШЪ скарбъ и мебель, все поставлено было на арбы, высокія двухколесныя мусульманскія телѣги. Мы ѣхали на дачу «въ садъ» на лѣто. «Ѣхать въ сады»—что спеціальное ташкентское выраженіе. Съ наступленіемъ весны большая часть ташкенцевъ забираетъ свою мебель, перевозитъ ее въ маленькія квартиры или въ одну квартиру со знакомыми и, взявъ лишь все необходимое, ѣдетъ въ сады, въ горы, въ степь. Сарты знаютъ это, они, пожалуй, и ввели этотъ обычай: у каждаго зажиточнаго мусульманина есть свои фруктовые сады, и вотъ съ весны онъ начинаетъ бродить по знакомымъ господамъ и предлагаетъ имъ переселиться въ его садъ на лѣто за очень дешевую плату. Выгода обоюдная: господа на дачѣ ѣдятъ фрукты и платятъ дешево, сарту не надо нанимать караульщика, да и все-же еще и плату получаетъ, а съѣдятъ то господа много-ли?

Моя сожительница, я и наша прислуга-сартъ обошли еще разъ оставленную нами, опустѣлую квартиру и двинулись къ выходу.

На дворѣ стояли прочіе квартиранты нашего дома, обильнаго маленькими квартирками. Они сейчасъ-же осыпали насъ вопросами, на которые мы едва могли отвѣчать.

— Вы первое лѣто въ Ташкентѣ?

— Вы еще не проводили лѣто въ саду?

— Вѣдь еще холодно! И какъ вы это не боитесь: двѣ женщины и гдѣ-то въ саду?

— Какъ вы устроитесь? Въ первый разъ ѣдете на дачу—ничего не знаете!!

— Что, вы прямо въ баракъ? Или тамъ квартира есть?

— Нѣтъ! баракъ мы будемъ строить сами, а жить пока должны въ простой саклѣ, платить всего будемъ три рубля въ мѣсяцъ, бояться намъ нечего, — и все это пустяки! повѣствовала моя подруга собравшимся сосѣдямъ.

На улицѣ она догнала меня и мы тронулись за нашей арбой. Вскорѣ арба наша въѣхала въ отворенныя настежь ворота прямо въ большой садъ.

Нашимъ глазамъ представилось огромное зеленое пространство, обнесенное глиняной высокой стѣной-заборомъ. Вдоль всей стѣны тянулся густой рядъ вишневыхъ, персиковыхъ деревьевъ, яблонь и грушъ, всѣ эти деревья были точно покрываломъ окутаны бѣлыми, розовыми и красными цвѣтами, а пря-

мо надъ воротами склонялъ свои темныя вѣтви высокій и мрачный орѣхъ, выдѣляясь среди всѣхъ веселыхъ цвѣтовъ своею темною зеленью. Вдоль всего забора садъ обѣгалъ быстрый ручей, «арыкъ»; орошая корни деревьевъ, онъ журчалъ и спѣшилъ, а между тѣмъ устроенные кое-гдѣ шлюзы изъ вѣтвей задерживали его воду, это вызывало цѣлую бурю съ крошечными волнами, пѣной, шумомъ и водоворотами. Но вотъ вода поднялась выше шлюза, льетъ черезъ него, спадаетъ хорошенькимъ водопадомъ. Ніагара въ миніатюрѣ! Высокая по поясъ трава тихо шелститъ, слегка наклоняясь къ землѣ. Отъ воротъ идетъ аллея и выходитъ на площадку большую, круглую, обсаженную яблонями, персиками, абрикосами, грушами, айвой... За площадкой аллея раздвоилась и обѣгала маленькую покосившуюся саклю съ крошечнымъ примыкавшимъ къ ней огороженнымъ дворикомъ. Зачѣмъ тутъ еще дворикъ! Это царство въ царствѣ насъ разсмѣшило, но Тагай, нашъ сартъ, объяснилъ, что это замкнутый дворикъ при саклѣ для женщинъ, это ихъ мірокъ—тутъ онѣ живутъ, работаютъ, спятъ, бранятся и наряжаются, въ большой садъ онѣ выходятъ гулять только тогда, когда тамъ никого нѣтъ, да раньше еще посмотрятъ хорошенько во всѣ стороны, а вдругъ да ихъ увидятъ чужіе мужчины! Далѣе за саклей аллея снова смыкалась и упиралась въ большой прудъ, обсаженный старыми, плакучими ивами. Ихъ вѣтви купаются въ водѣ, а вода чистая, проточная вбѣгаетъ въ прудъ съ одной стороны и выбѣгаетъ дальше съ другой. По срединѣ площадки стоитъ высокій абрикосъ, вѣтви его раскинулись во всѣ стороны и образовали куполъ надъ этой площадкой: спѣлые, сочные плоды желтѣютъ между зеленыхъ листьевъ. Прохлада, тѣнь!—Что за богатый уголокъ. Вокругъ абрикоса «урюка», было устроено возвышеніе изъ земли, туда и поставили столъ и стулья: чай пить и обѣдать.

А вотъ и сакля! Войдемъ!—Но нѣтъ, мы

Послѣ работъ. Рисовалъ А. Козакевичъ.

сейчасъ-же выбѣжали назадъ! Неужели здѣсь можно жить! Тутъ не только жить, но и на минуту оставаться нельзя—ужасно! Закоптѣлая покосившаяся конура изъ глины съ вогнувшимся потолкомъ изъ камыша, съ дырами вмѣсто окошекъ. Двухстворчатая рѣзная дверь была такъ мала, что надо было согнуться въ три погибели, чтобы войти. Въ саклѣ двѣ комнаты съ земляным полом, обѣ комнатки соединялись аркой и изъ второй комнаты такая-же дверь вела на крытую тоже закопченую, террасу съ примыкавшимъ къ ней крошечнымъ дворикомъ, обнесеннымъ заборомъ. Это внутренній дворикъ сартовскаго жилища.

— И здѣсь живутъ, работаютъ люди! сноваа воскликнули мы.

Вышли на дворикъ: въ углу полуразрушенная печка для печенія хлѣба, дворикъ заглохъ и заросъ колючей дикой травой. Царство скорпіоновъ! Въ саклю втащили наши вещи, кое-какъ ихъ размѣстили, разбираться какъ слѣдуетъ было лѣнь, да и страшно было: всюду мерещились скорпіоны, хотѣлось скорѣе въ зелень, въ садъ, на воздухъ.

Мы прошли по саду къ пруду. Онъ лежалъ почти у самой стѣны, надъ нимъ склонился небольшой урюкъ, крупные плоды падали въ воду, издавая всплескъ, легкіе круги бѣжали долго потомъ на этомъ мѣстѣ. По берегу сидѣли лягушки, онѣ вздрагивали отъ шума, но тотчасъ снова впадали въ созерцательное безмолвіе. Прудъ этотъ прерывалъ идущую вдоль стѣнъ канаву, она впадала въ него шумнымъ потокомъ, а выходила тихимъ ручейкомъ. Мирный уголокъ. Такъ манитъ онъ къ себѣ. Мы опустились на берегъ, отъ воды повѣяло прохладой. Тагай приготовилъ на вышкѣ чай и пришелъ насъ звать. Онъ былъ веселъ — природа это его сфера, въ городѣ онъ скученъ, груститъ по зелени и волѣ.

— Тагай, тутъ змѣи есть?

— Нѣтъ! Ужи есть, да они не ядовиты,

Секретное чтеніе. Рисовалъ А. Каульбахъ.

да и то ихъ, можетъ быть, у насъ тоже нѣтъ—не во всѣхъ-же прудахъ они живутъ! Да и, вѣрно, нѣтъ, вонъ какъ лягушки покойно сидятъ, видно, некого бояться!

Мы пошли пить чай: въ зелени бѣлѣлъ столъ, покрытый скатертью, и такъ привѣтливо кипѣлъ самоваръ. Посреди стола стоялъ огромный букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Тагай уже успѣлъ набрать ихъ. У него за ухомъ торчитъ огромный макъ, и этотъ красный цвѣтокъ такъ идетъ къ его смуглому лицу и бѣлымъ зубамъ, такъ весело сверкающимъ изъ-подъ черныхъ усовъ. Тагай бродитъ въ травѣ и поетъ свою однообразную пѣсню. Какъ чудно звучитъ она на волѣ, протяжная, полная грусти и мечты! Вотъ онъ съ розмаху повалился подъ яблоню. Лежитъ на спинѣ и глядитъ въ небо. Солнце тонетъ за горизонтомъ. Легкій вѣтерокъ шелеститъ листьями, навѣвая вечернюю влагу... Ниже, ниже клонится свѣтило, и розовыя облачка торопливо бѣгутъ на ночлегъ. Вотъ и совсѣмъ сѣло солнце. Птички вдругъ какъ-то шумно защебетали, усаживаясь спать, онѣ торопливо разсказывали другъ другу свои похожденія, приключенія минувшаго дня, а легкіе сумерки окутывали насъ, незамѣтно спускаясь на садъ, но не успѣли они еще сгуститься, какъ луна неясными проблесками осеребрила и зелень, и дорожки, и заборъ, и ветхую крышу сакли. Длиннѣе и длиннѣе эти нѣжные лучи—и вотъ торжественно и плавно поплыла она по ясному небу. Подъ нашимъ тѣнистымъ сводомъ полумракъ, полусвѣтъ. Тишина... Лишь немного журчитъ ручеекъ тихій, онъ ласкаетъ ухо! Чу! тихо квакнула одна лягушка, за ней другая, третья, все громче и громче и наконецъ звонкій хоръ огласилъ нашъ садъ. Мягкій, какъ маленькіе колокольчики, онъ не нарушалъ гармоніи, не билъ по уху, напротивъ: эти звонкія трели шли къ этой живой тишинѣ.

Не хочется шевелиться, боишься стукнуть ложкой, чтобы не нарушить чуднаго оцѣпенѣнія, овладѣвшаго человѣкомъ. Гдѣ-то вдали солдаты заиграли «зорю». Какъ отчетливо раздавались звуки музыки, какъ ясно доносилась команда дежурнаго!..

— Да, это югъ! Да, это югъ! шепчу я въ эту минуту, и какъ сравненіе проносится въ умѣ милая картина сѣвера, дорогой сердцу Петербургъ съ его искусственной природой, его огромными парками Павловска и другихъ дачъ, гдѣ такъ красиво бѣлѣются въ зелени статуи, съ его яркой сѣверной луной, съ его искусственными водопадами... въ ушахъ слышится музыка...

— А бѣлыя лѣтнія ночи! А лѣсъ, а рѣка! воскликнула моя подруга и притихла.

Нѣтъ! вѣрно, родная картина беретъ перевѣсъ: сѣверъ потянулъ къ себѣ, въ памяти встаетъ прошлое, мечты унесли меня далеко отсюда... Разбудилъ и испугалъ голосъ Тагая.

— Гдѣ будете спать? въ саду или къ саклѣ? заговорилъ Тагай и тоже почему-то шепотомъ.

— Я боюсь въ саклѣ—тамъ скорпіоы! Не лучше-ли сюда кровати, на площадку, а завтра выстроимъ баракъ, позови «мардкера»!

Кровати были вынесены на площадку, и мы принялись хлопотать о постеляхъ. Сартовскія кровати—просто рамки на четырехъ ножкахъ. Рамка эта переплетена веревками въ видѣ рѣшетки, а въ головахъ нѣчто вродѣ спинки изъ палочекъ, чтобы не падали подушки. Когда ложишься, веревки оттянутся, и мягко, и уютно, какъ въ люлькѣ. Мы долго еще молча сидѣли передъ столомъ. Тагай ушелъ на внутренній дворикъ на террасу. Странно было раздѣваться на воздухѣ. Густая зелень, стѣной окружавшая насъ, закрывала насъ лучше занавѣсей. Но было какъ-то жутко, какъ будто стыдно огромнаго пространства, смотрѣвшаго на насъ. Торопливо юркнули мы подъ одѣяла. Какая мягкая теплота въ воздухѣ, чудный ароматъ охватываетъ всего, а кругомъ зелень и зелень! Кровать стоитъ на травѣ, надъ головой едва проницаемый сводъ, кругомъ неподвижная листва деревъ. Хорошо! воля, свобода!.. Вдругъ гдѣ-то вдали послышался ревъ, протяжный захлебывающійся, какъ-бы рыданіе, это крикъ «ишака»—осла, за нимъ другой, третій, тамъ, тутъ и наконецъ отовсюду, точно хоръ плачущихъ русалокъ. Это полунощный крикъ ословъ. Чу! и первые пѣтухи запѣли! Значитъ двѣнадцать часовъ. Вотъ, кажется, ишаки замолкли. Нѣтъ! издали доносится еще послѣдній запоздалый плачъ. Онъ не успѣлъ примкнуть къ общему хору. Снова тишь... Легкій вѣтерокъ пронесся надъ садомъ, прошелестѣлъ листьями, сдулъ пряди волосъ на лобъ. Дышется полной грудью, легко и мирно. Я улыбнулась отъ удовольствія, глаза смыкаются. Меня разбудилъ шепотъ сосѣдки:

— Эхъ, недостаетъ соловья! Да, недостаетъ! Милый соловушка, взгрустнулось по тебѣ, дорогое мимолетное украшеніе нашей родины, милая птичка! Отчего это сюда не прилетаютъ соловьи?

Я только вздохнула ей въ отвѣтъ, не будучи въ состояніи преодолѣть дремоту... Проснулась я отъ удара въ плечо! Кто могъ меня ударить, — гляжу — никого, я закрыла глаза, снова ударъ, я вздрогнула и сѣла, и что-же вижу? У меня на плечѣ, на одѣялѣ, на подушкѣ, на травѣ всюду лежатъ абрикосы, иные сплюснулись, тѣ вовсе обратились въ какую-то кашицу, и косточка лежитъ отдѣльно, то тутъ, то тамъ раздается шлепанье. Созрѣвшіе абрикосы такъ нѣжны, что не могутъ держаться на деревѣ и при малѣйшемъ дуновеніи, да и просто отъ своей же тяжести падаютъ на землю.

— Да это нектаръ, попробуй! раздается возгласъ моей подруги, и мы, усѣвшись поудобнѣе, принялись съ жадностью ѣсть тѣ, что упали къ намъ на кровати. Наѣвшись, мы переглянулись и невольно весело расхохотались надъ своимъ обжорствомъ, вѣдь каждая съѣла не менѣе штукъ пятнадцати.

Солнце проглядывало сквозь деревья, весело золотило каждую травинку, надъ головою зелень и золотые прозрачные урюки, а тамъ дальше голубое безоблачное пространство. Понѣжиться-бы! надъ нами такая прохладная тѣнь, а кругомъ такой праздничный свѣтъ. Какъ серебрится тополь, какъ краснѣютъ вишни! Но надо пользоваться, пока нашъ Тагай на базарѣ.

Бѣжимъ купаться, одѣться лѣнь, босыя и въ простыняхъ. Вышли изъ тѣни—жара, земля уже накалилась, жжетъ ноги. Голову, плечи, руки опалило, какъ изъ печки. Вотъ самое жаркое пространство, безъ тѣни, надо пробѣжать его поскорѣй, пекло невѣроятное. Фу, добѣжавъ до пруда, мы просто изжарились и съ наслажденіемъ бросились въ воду. Мы перепугали все лягушечье царство, всѣ лягушки повыскочили на берегъ и, натужась, глядѣли на насъ. Мы плавали, но становиться на дно боялись. До чаю бродили по саду. Какъ вкусенъ показался чай, хлѣбъ, молоко, никогда еще такъ не ѣлось...

— А какая славная штука—каникулы!

— Безъ нея учителя и учительницы посходили-бы съ ума.

Жарко... Тагай полилъ всю площадку водой, онъ видимо ждетъ кого-то—все посматриваетъ за ворота. Но вотъ онъ приходитъ и съ торжествомъ объявляетъ:

— Ну вотъ и мардкеръ пришелъ! Онъ умѣетъ баракъ строить!

Передъ нами предсталъ парень лѣтъ двадцати пяти, высокій, мускулистый. На бритой головѣ—тюбитейка. Весь костюмъ—одни коротенькіе холщевые штаны, никакихъ признаковъ иной одежды. Мѣднокрасные отъ загара грудь, спина, плечи блестятъ точно лакированные. Нагіе выше колѣнъ ноги, точно каменныя, плотно и сильно ступаютъ на землю, вотъ ему ноги не жжетъ! Движенія размашисты, но граціозны.

— Ахъ, какой акробатъ! воскликнула моя спутница.

«Мардкеръ» чернорабочій засмѣялся, и бѣлые ровные зубы такъ и сверкнули изъ-за пунцовыхъ губъ, онъ покраснѣлъ и сталъ разсматривать свои ноги...

Тагай и мардкеръ купили матеріалъ: палки, жерди, плетенку, веревки, всего на пять рублей—и къ вечеру легкій четырехугольный шалашъ былъ приставленъ къ одной изъ стѣнъ старой сакли. Входъ мы загородили ситцевой занавѣской, крышу закрыли сверхъ плетенки еще ковромъ—и жилье готово! За всю работу мардкеръ взялъ всего пятьдесятъ копѣекъ и, уходя, сказалъ:

— Смотрите, осенью палки и плетенки не бросайте—спрячьте, придетъ снова весна и я снова построю вамъ баракъ...

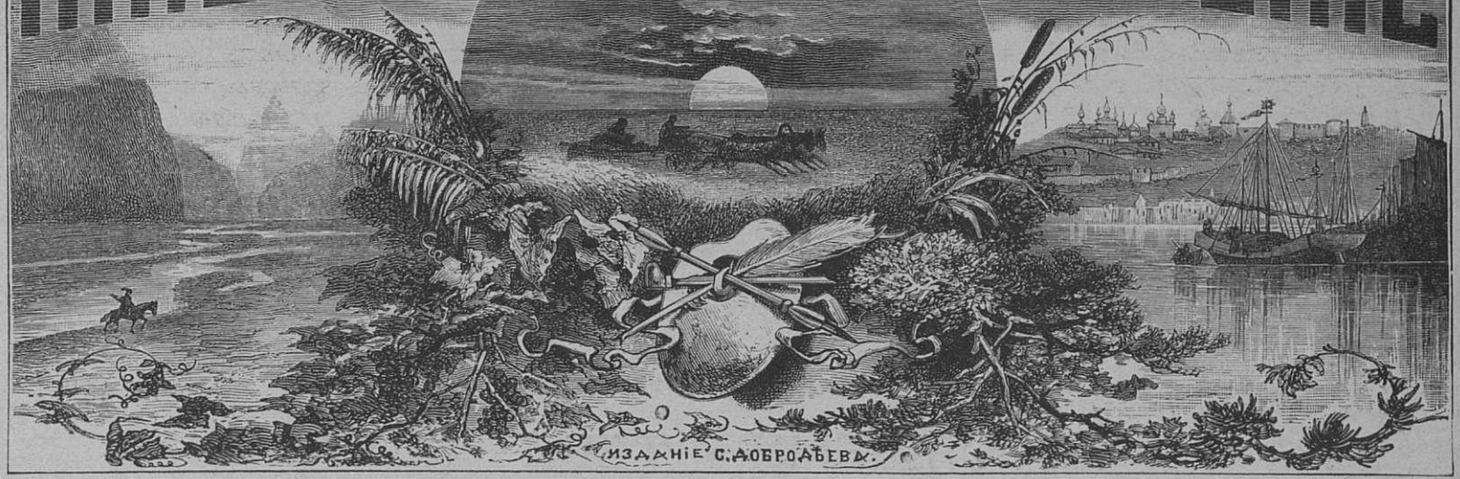
РУКА.

„Размахнись рука..
Кольцовъ.

Разговорная рѣчь наша очень богата множествомъ выраженій, доказывающихъ громадное значеніе руки въ общежитіи, въ житейскомъ обиходѣ и даже въ культурномъ творчествѣ. Философы и энциклопедисты конца прошлаго вѣка любили хвастать и щеголять своимъ безбожіемъ, поэтому такой знаменитый историкъ и философъ какъ Вольней придумалъ афоризмъ, что «не Богъ создалъ человѣка по своему образу и подобію, но человѣкъ создалъ себѣ Бога по своему образу и подобію». Вольней это доказывалъ тѣмъ, что всѣ миѳологическіе боги Греціи изображены въ статуяхъ, въ коихъ рука занимаетъ самое видное мѣсто. Юпитеръ громовержецъ мечетъ молніи рукой, Флора разбрасываетъ цвѣты. По тому-же пути шли и современные писатели, такъ Кукольникъ написалъ драму и назвалъ ее «Рука Всевышняго отечество спасла». Катковъ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы у каждаго околодочнаго непремѣнно была «влажная рука». Чтобы выразить наше подобострастіи, мы держимъ «руки по швамъ» и отъ удовольствія «потираемъ руки» когда намъ удается кого-нибудь или что-нибудь «прибирать къ рукамъ». Исторія, возвеличивая Гладстона, никогда не забудетъ его знаменитое изрѣченіе, ставшее классическимъ «руки прочь» и очень жаль, что оно такъ рѣдко примѣняется и въ политикѣ и въ общежитіи. А то вѣдь инымъ народамъ, особенно-же инымъ страдальцамъ, приходится до того жутко, что они готовы «руки на себя наложить», и подвернись имъ «подъ руку» смертоносное орудіе, быть-бы бѣдѣ. «Рука времени» далеко не всѣ язвы излечиваетъ, потому что въ исторіи больше властвуютъ тѣ, которые «охулки на руку не

Годъ изданія 60-й. № 48 26-го ноября 1895 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги „Домашней Библіотеки“, выходящія въ формать „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполнѣ замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Чтеніе Донъ-Кихота. Съ картины художника П. Гарнело.

Однажды я увидалъ, какъ тѣнь эта прошла мимо окна—она посмотрѣла на меня, повернувъ злое, грозное и противное лицо. Узнавъ это лицо, я вскочилъ и, бросившись къ окну, закричалъ:

— Прочь, проклятый! Я теперь не тотъ, что прежде. Безуміе — или что-то другое— ради чего я терпѣлъ тебя и повиновался тебѣ—прошло. Я сталъ снова честнымъ, и буду жить такъ, чтобы не зависѣть отъ простого Случая. Мои честныя попытки жить разумно и разсчетливо одержатъ верхъ, а неустанный трудъ избавитъ меня отъ Случая.

— Избавитъ! — сказала тѣнь, сверкнувъ глазами.—Избавитъ? Люди боролись съ вѣтромъ, волнами и грозой, и иногда побѣждали; они иногда боролись съ законами, разумомъ и тиранiей и одерживали верхъ; но люди никогда не могли бороться со Случаемъ и побѣдить его—и никогда не побѣдятъ!

— Ну, такъ я начну и окажусь побѣдителемъ!—крикнулъ я, махая на него руками. Тѣнь страшно захохотала и прошла мимо.

Дни и ночи, въ холодъ и жаръ, работалъ я изъ-за куска насущнаго хлѣба, и едва былъ сытъ; а жена все худѣла. Тутъ я совсѣмъ обезумѣлъ и сталъ безцѣльно вездѣ бросаться, и всюду натыкался на Случай... До сихъ поръ я и не подозрѣвалъ, что это за сила! Случай руководилъ людьми въ ихъ ненависти, восторгахъ, привязанностяхъ, страхѣ и горѣ, толпы съ торжествомъ несли его, говоря, что они прославляютъ безкорыстіе и честность; а другіе проклинали его, думая, что они преслѣдуютъ безчестіе; были люди, которые искренно были привязаны къ нему, и никто не узнавалъ Случая подъ маской скомороха!

Совершенно обезумѣвъ, я взялъ чашку и всыпалъ въ нее яду и смѣшалъ съ виномъ и еще съ чѣмъ-то и поставилъ, приготовляясь выпить смертный напитокъ и освободить ее отъ человѣка, который навлекъ на себя гнѣвъ Случая и сдѣлалъ ее несчастной—я былъ помѣшаннымъ... чего-же больше?

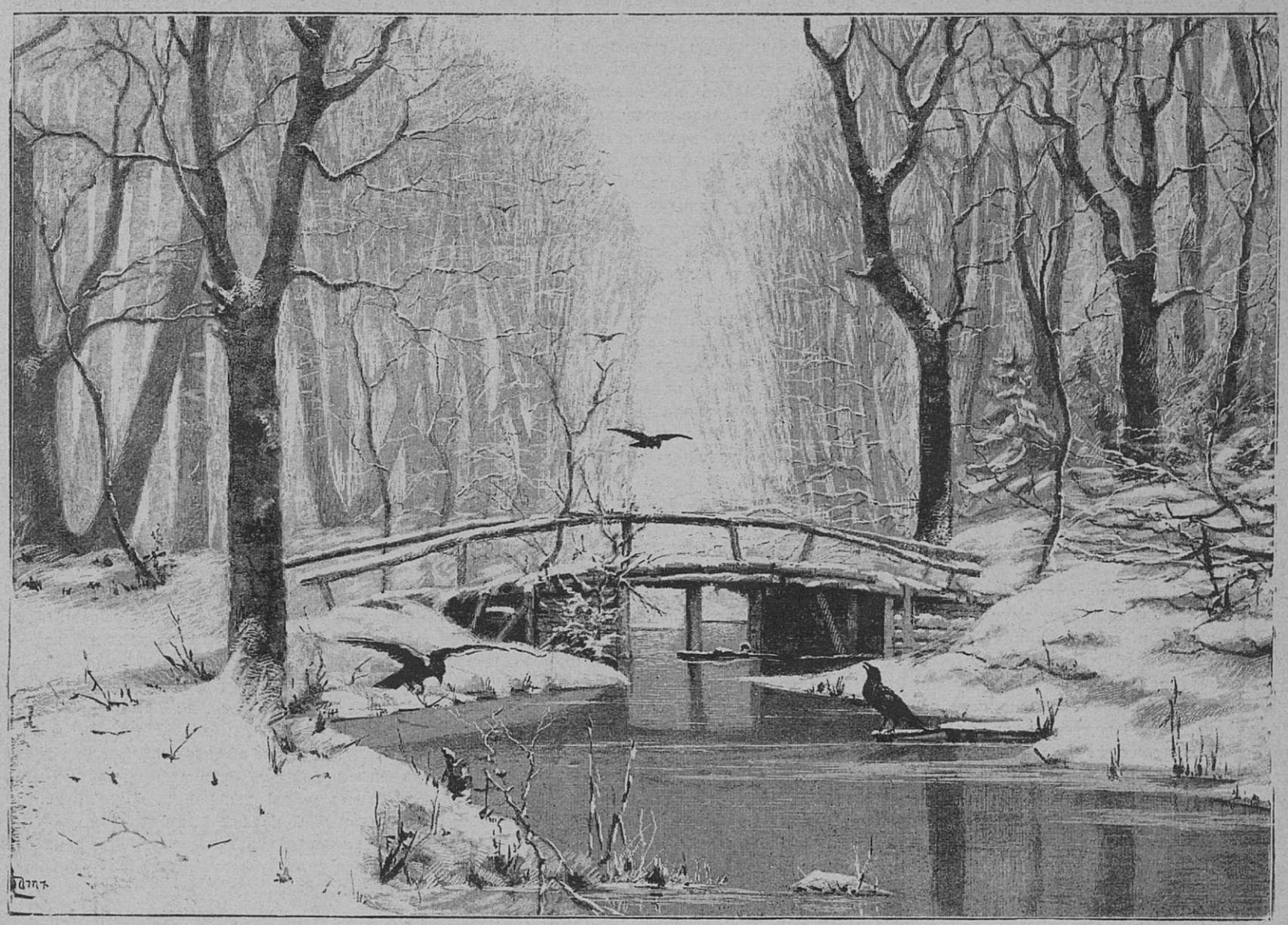
Но въ ту минуту какъ я отходилъ, она выпила ядъ и дала выпить ребенку.

Меня силой притащили сюда изъ залы суда; около дверей меня ждали громогласные дьяволы и старались вырвать меня отъ стражи, чтобы разорвать на части — убійцу жены и ребенка. Цѣлый день въ залѣ суда проклятый Случай руководилъ всѣмъ; то прячась за свидѣтелемъ и заставляя его говорить противъ меня; то вызывая особенную строгость судьи, разстроивъ ему здоровье, то ожесточая чѣмъ-нибудь присяжныхъ, какъ разъ въ то время, какъ они должны были произнести приговоръ.

Онъ стоялъ позади публики и дѣлалъ мнѣ гримасы, а теперь, у себя въ нумерѣ, я сижу одинъ, приговоренный къ смертной казни.

И тутъ опять явился Случай, одѣтый точно такъ, какъ я его видѣлъ въ первый разъ—въ одежду арестанта, испещренную маленькими стрѣлками; лицо его было отвратительно, безъ малѣйшей примѣси хорошаго, и, искоса глядя на меня, онъ сказалъ:

— Случайный убійца! Напрасно хотѣлъ ты поднять гору, борясь со мной! Лучше-бы ты возсталъ противъ всего, но не противъ меня! Лучше-бы ты послушался меня, когда я говорилъ тебѣ, что на свѣтѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни преступленія, а есть только Случай, во всемъ, что касается нашего общества. Люди судятъ ближнихъ не по ихъ поступкамъ, а по моимъ. Я торжествую—я Случай-убійца!



Первый снѣжокъ. Оригинальный рисунокъ художника Л. Бургардта.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни **В. Губаревичъ.**

I.

Чудный вечеръ. Солнце только что скрылось; полумракъ, улицы притихли; вечерняя, мягкая теплота такъ нѣжитъ! Въ арыкахъ заливаются лягушки особымъ, только на востокѣ извѣстнымъ, журчаньемъ, мягкимъ, переливнымъ, точно хоръ стеклянныхъ колокольчиковъ; въ окнахъ огни; черезъ занавѣски слышны голоса; по воздуху мечутся летучія мыши. Въ библіотекѣ, за столомъ, сидитъ нѣсколько человѣкъ и между ними господинъ въ легкомъ сюртукѣ. Какая-то жалкая потертость всей его фигуры, глубокія, особенно рѣдкія морщины и сѣдыя пряди длинныхъ до плечъ волосъ, открываю-

щія большой лобъ—привлекали къ нему любопытное вниманіе. Во всей его худой фигурѣ, одѣтой въ короткія, заштопанныя брюки и стоптанные башмаки—было что-то до того благородное, но въ то-же время страдальческое, забитое, что становилось безконечно жаль этого человѣка. Большіе голубые глаза смотрѣли тоскливо, углы губъ были опущены какъ у людей, долго и молча страдавшихъ. Онъ внушалъ невольное уваженіе и буквально приковывалъ къ себѣ взглядъ. Этотъ человѣкъ читалъ и перечитывалъ какое-то письмо, вздрагивалъ, кусалъ ногти и вдругъ устремлялъ въ глубокомъ раздумьи свой взглядъ въ окно,—оттуда несло запахомъ акаціи, таинственные сумерки заглядывали въ окно, слышались шаги рѣдкаго прохожаго и снова все стихало...

«Зачаулинецъ! это зачаулинецъ!» мелькнуло въ моемъ умѣ,—и я сталъ глядѣть на него, словно могъ заглянуть въ его душу, или узнать его прошлую жизнь, его мысли. Вдругъ онъ всталъ, съ шумомъ отодвинулъ стулъ, тщательно свернулъ письмо и положилъ во внутренній карманъ сюртука. Не глядя ни на кого, быстро вышелъ онъ на улицу. Онъ такъ быстро шелъ, что за нимъ было-бы не легко поспѣть; что-то говорилъ, думая вслухъ, и вдругъ, остановившись, злобно воскликнулъ:

— Ну, нѣтъ ужь, господинъ Столыпинскій!— будетъ, тьфу! довольно! Потомъ, внезапно перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ дрожащимъ полнымъ слезъ голосомъ:

— Нѣтъ, не могу, Господи, не могу я больше! Только этого и недоставало! Они меня такъ увидятъ! Никогда, никогда! повторилъ онъ,—такъ тихо, но рѣшительно, что было жутко...

Потомъ онъ махнулъ рукой и опять злобно заговорилъ:

— Трусъ! Вѣдь поговорю только и больше ничего! Гадина, мерзкая, трусливая гадина, тьфу!—завопилъ онъ въ какомъ-то злобномъ изступленіи и побѣжалъ впередъ.

Онъ очутился въ глухой части города. Тутъ былъ лѣсной базарчикъ; живо прошмыгнувъ между квадратами дровъ, онъ появился на небольшой площади, посреди которой выдѣлялась невысокая, но крутая песчаная гора, а на вершинѣ ея виднѣлась маленькая полуразрушенная ротонда со шпилемъ на крышѣ. Кругомъ, въ плетеныхъ шалашахъ-лавочкахъ, разбросанныхъ на площади у подошвы горы, мелькали огоньки; то—сарты-лавочники, собравшись кружками, сидѣли вокругъ чайниковъ. Они тихо бесѣдовали; степенныя лица съ любопытствомъ обратились въ темноту, повернувшись въ сторону прохожаго но, разглядѣвъ его, спокойно отвернулись; видимо, они привыкли къ нему. Онъ подымался по тропинкѣ въ гору; тамъ виднѣлись какія-то фигуры, на протянутыхъ веревкахъ сушилось бѣлье. Маленькій костеръ догорѣлъ, угли покрылись пепломъ, кругомъ его сидѣли и лежали люди, они глядѣли на огонь и молчали; красный отблескъ игралъ на ихъ блѣдныхъ, опухшихъ лицахъ, никто не шевельнулся при появленіи незнакомца. Онъ остановился; лицо его приняло брезгливое, безнадежное выраженіе при взглядѣ на этихъ людей. Онъ нетерпѣливо окинулъ всю группу тѣмъ-же брезгливымъ взглядомъ, видимо ища кого-то. Кто то изъ толпы, не оборачиваясь, отрывисто буркнулъ пришедшему:

— Вы доктора?

— Да!

— Ушелъ въ караульную будку почевать, му холодно—болѣнъ, тамъ тепло.

— Не можетъ быть! Насъ оттуда выгнали и запретили приходить.

— Ну, не знаю! У нашихъ давно не были?

— Завтра иду.

— Завтра всѣ соберутся, завтра празднуемъ новую побѣду! Старшій мастеръ изъ типографіи—совсѣмъ готовъ!

При этихъ словахъ незнакомецъ вздрогнулъ и опустилъ глаза, голосъ его прозвучалъ какъ-то глухо:

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ! Пробовалъ наниматься на работу, да куда! — день-два проработаетъ, и снова запьетъ! Положимъ, его караулятъ; все нашъ «капитанъ», дока! Отъ него не уйдешь, хоть кого съ пути собьетъ, точно нечистый—и манитъ, и соблазняетъ! Мастеръ-то все съ себя пропилъ, какъ есть все, и сидитъ сейчасъ въ кабакѣ голый, выйти стыдно, а къ нашимъ не хочетъ, ломается... Ну, да завтра приволочимъ его! Силкомъ приволочимъ, если самъ не пойдетъ. Молодецъ капитанъ! Разсказывалъ: мастеръ было совсѣмъ протрезвился, да капитанъ къ нему подъ окошко, постучалъ легонечко и мигнулъ, тотъ все бросилъ! Ловко!

— Подлецъ! прошипѣлъ незнакомецъ и повернулся, чтобы идти.

— Молодецъ и есть! подхватилъ кто-то, очевидно не дослышавъ брани.

Онъ уже спускался по тропинкѣ, какъ нѣсколько голосовъ крикнули ему въ слѣдъ:

— Учитель, учитель! А гдѣ-же вы теперь живете, коли васъ изъ будки выгнали?

— Въ мусорной ямѣ, на Саларѣ! крикнулъ незнакомецъ на ходу.

— Идите сюда, къ намъ, чѣмъ на мусорной ямѣ!

Но онъ уже бѣжалъ по дорогѣ, мимо базарчика, мимо казармъ. Въ эту минуту играли зарю, послышалась команда офицера.

— На молитву! протяжно пронеслось въ тихомъ воздухѣ, и раздались тихіе звуки молитвы; солдатики пѣли «Достойно». Незнакомецъ остановился и слушалъ, опустивъ голову; вотъ и послѣдніе звуки молитвы ушли куда-то въ даль; раздался рѣзкій бой барабана... Онъ вздрогнулъ... Музыка заиграла «Коль Славенъ». Тяжело вздохнувъ, незнакомецъ тронулся впередъ; тихо шагалъ онъ, видимо прислушиваясь къ звукамъ гимна... Передъ нимъ было открытое поле, далеко тамъ какія-то туманныя, черныя тѣни—вершины горъ «Чимгановъ». Изъ-за этихъ вершинъ показался бѣлый свѣтъ, затѣмъ ободокъ луны, все больше и больше; вотъ выглянулъ и весь большой и ясный дискъ, выглянулъ, замедлилъ мгновеніе, и вдругъ точно—сорвался и полетѣлъ въ синюю даль. По дорогѣ на встрѣчу незнакомцу шло какое-то странное существо, донельзя длинное, худое, въ длинномъ женскомъ капотѣ и соломенной шляпѣ съ широкими полями. Точно бѣлое привидѣніе, двигалось это существо по дорогѣ, размахивая руками во всѣ стороны, полы капота развѣвались около ногъ. Совсѣмъ герой изъ «Записокъ сумасшедшаго»! Герой приближался, голову онъ держалъ высоко, смотрѣлъ куда-то въ даль своими мутными глазами; безпокойныя, быстрыя движенія его были все-же мягки и ловки, и онъ чрезвычайно легко и свободно шелъ въ своемъ странномъ костюмѣ. Учитель окликнулъ его:

— Философъ, здравствуйте! Не хотите знать смертныхъ!

— Смертныхъ? Отъ васъ зависитъ стать безсмертными!

— А пока здравствуйте.

Философъ поглядѣлъ на учителя и улыбнулся до того жалкой, растерянной улыбкой, глаза его приняли такое ласковое, тихое и грустное выраженіе, что учитель пересталъ шутить, взялъ его руку обѣими руками и крѣпко и долго жалъ ее. Философъ смотрѣлъ, краснѣлъ, синеватыя губы слагались въ кроткую, умиротворяющую улыбку, глаза конфузливо бродили гдѣ-то по верхамъ, и онъ вдругъ залепеталъ:

— Простите, ради Бога! Непозволительная разсѣянность!.. Задумался... Хотя убѣжденія наши совершенно разныя, но я всегда уважалъ васъ и... узнавалъ...

Онъ снялъ шляпу и открылъ наголо обритую голову; провелъ по ней бѣлой, тонкой рукой съ розовыми ногтями и прибавилъ:

— Припоминаю, все припоминаю вотъ, да не могу...

— Что припоминаете?

— Да вотъ, послѣ болѣзни; бываетъ это! Послѣ болѣзни память моя стала похожа на воду, все смываетъ, сравниваетъ... А вы ищете своего Аякса? Тамъ онъ!..

Капотъ указалъ дрожащею рукою куда то въ даль, и вдругъ быстро пошелъ дальше, не простившись, не сказавъ ни слова. Учитель тоже пошелъ. Показались какія-то строенія, сакли. Это было пригородное селеньеце. Направо виднѣлась каменная избушка. Окно было ярко освѣщено. Учитель остановился приложилъ руки къ губамъ, и раздался протяжный вой собаки. Этотъ вой повторился; онъ у учителя былъ, вѣрно, сигнальнымъ знакомъ. На вой, дверь избушки отворилась, и изъ караульной будки упалъ на дорогу столбъ свѣта; въ дверяхъ появилась приземистая, толстая фигура въ сартовскомъ халатѣ, лицо—веселое, красное—такъ и сіяло пьянымъ оживленіемъ; онъ слегка пошатывался и, приблизясь къ другу, полѣзъ его обнимать; тотъ отшатнулся и молча зашагалъ куда-то въ сторону; халатъ—за нимъ, вздыхая и обдавая друга запахомъ перегорѣлой водки. Тихо было кругомъ. Тихо катилъ Саларъ свои воды,—тихо, не смотря на стремительную быстроту; легкій туманъ подымался отъ воды и ложился на траву; всюду виднѣлись какія-то кучи мусору, видимо свезеннаго сюда съ построекъ, но даже и эти кучи при лунѣ казались красивыми... «Докторъ» подошелъ къ кучѣ, разгребъ немного мусоръ и сѣлъ, жестомъ приглашая садиться и учителя. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Затѣмъ докторъ досталъ изъ кармана бутылку съ водкой, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и молча протянулъ бутылку другу; тотъ отстранилъ ее. Докторъ быстро повернулся къ нему, и лицо его выразило такое изумленіе, что учитель невольно улыбнулся.

— Что ты? Не хочешь водки?

— Не хочу!

— Да что съ тобой! Ну-ка, дай пульсъ!! И докторъ, напустивъ на себя шутливую важность, проговорилъ:—Да, у васъ нервное разстройство; вамъ надо прежде всего выпить водки, а потомъ я пропишу...

— Старая привычка прописывать беретъ свое...

— А что-же надо сдѣлать? Скажи — я готовъ!

— Не знаю!..

Въ этомъ «не знаю» было столько тихой, безъисходной тоски, что докторъ быстро спряталъ бутылку въ карманъ и нагнулся къ лицу товарища; тотъ сидѣлъ неподвижно и задумчиво глядѣлъ передъ собой, потомъ опустилъ голову и вздохнулъ.

— Тоска! А выйти изъ нея не могу.

— А, monsieur, que voulez vous! Денегъ, денегъ! Когда мы учились, помнишь, вѣчно ты вздыхалъ; студентомъ въ Питерѣ вздыхалъ; когда насъ кинула судьба сюда, ты вздыхалъ; учителемъ вздыхалъ и зачаулинцемъ вздыхаешь, а все почему? — денегъ нѣтъ! А почему денегъ нѣтъ? Потому-что не угодно слушать моихъ совѣтовъ. Идите, monsieur, попросите de l'argent, золота, у господина директора; вѣдь когда-то...

— Разъ послѣдовалъ я твоему совѣту, обокралъ сберегательную кассу, и...

— Не вздыхали, не вздыхали въ то время!..

— Перестань! Вспомни, какъ я послѣ вздыхалъ!

— Послѣ! Послѣ глупо вздыхать! Нѣтъ ничего глупѣе въ человѣкѣ — раскаянія... Да тебѣ было больше ее жалко..

— Да, мнѣ было жалко и горько, тѣмъ болѣе, что я понималъ, что она не могла послѣ такого скандала жить со мною! А стыдъто! Ну, развѣ можно было послѣ такого стыда жить съ людьми!.. Въ глазахъ каждаго подлеца читаешь «воръ». А почему? Потому что они ловчѣе и не попались! И еще хорошо, что она уѣхала, ну, развѣ съ такими подлецами, какъ мы, можно жить! Не забылъ я стыда, онъ гложетъ меня!.. Честь... Вотъ безъ чего нельзя жить!

Учитель оживился, но докторъ перебилъ его.

— Честь! Что за честь, когда нечего ѣсть! Тутъ ужь надо дѣйствовать! Я ихъ палачъ, мучитель! Я не дальше, какъ сегодня, получилъ четыре рубля, вотъ! Прихожу къ совѣтнику правленія и говорю: «позвольте въ воспоминаніе старой дружбы сдѣлать нѣкоторый заемъ! Помните, больничные бараки вмѣстѣ отъ подрядчика принимали...»—и онъ мнѣ сейчасъ рубль въ руку и договорить не далъ. Я повертѣлъ рубль, поглядѣлъ на свѣтъ, сунулъ небрежно въ карманъ и говорю: «Эхъ, хорошее это было время! Помните, какъ мы для больныхъ халаты изъ старыхъ простынь... да многое, многое!» Ну, понимаешь — то, да се, давай копать... онъ мнѣ еще три рубля. Я говорю, еще молъ приду, а онъ такъ на прямикъ: «приходите, говоритъ, я вамъ буду ссужать небольшія суммы, что могу, только избавьте меня отъ воспоминаній». Ха, ха, ха!..—рыльце-то въ пушку, да только шкурка бѣла!

— Полно, вспомни, когда-то у насъ это шантажемъ называлось!

— Ну, вздыхай!

— Да я и не томъ...

— Ну, такъ о чемъ-же?

— Нѣтъ, знаешь, не скажу, сегодня не скажу...

— Vous êtes malade, monsieur, mon cher monsieur! У васъ лихорадка... и, какъ я сказалъ, нервы. Право, слѣдуетъ вамъ прописать хорошую выпивку и случай есть. Не возьмешься-ли? Такъ я скажу нашимъ.

— Какой случай?

— А видишь, субъектъ подходящій! Надо сбить приказчика изъ москательной; почва богатая; хочешь—берись? Весело!—наши называютъ «очередь!»

— Да замолчишь-ли ты? вдругъ завопилъ учитель и закрылъ лицо руками...

— Тише, тише, не ори, услышатъ, идіотъ, удавленникъ! Вѣдь если-бы не мой французскій языкъ, да не моя ловкость... да сколько разъ я тебя, подлеца, изъ петли вынималъ!

Но «подлецъ» молчалъ, все тѣло его тряслось отъ рыданій, все сильнѣе вздрагивали его плечи, все громче слышались рыданія, и наконецъ, онъ разразился дикимъ, громкимъ плачемъ, упалъ головой на землю, рвалъ волосы, бился головой о землю... Докторъ вскочилъ:

— Котя, голубчикъ, ты въ правду! Что съ тобой! Ну, прости меня, родной; старый вѣдь я дуракъ, все это такъ себѣ, такъ себѣ!..

Докторъ мигомъ слеталъ къ рѣкѣ и принесъ полную шапку воды. Онъ обрызгалъ учителя, но тотъ продолжалъ рыдать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУСИНЫЕ БОИ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Принадлежа къ хлѣбороднымъ мѣстностямъ, воронежская губернія, перерѣзанная такими большими рѣками, какъ Донъ, Хоперъ, Сосна и Осколъ, всегда славилась птицеводствомъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ по первому санному пути изъ уѣздовъ валуйскаго и бирюченскаго тянулись непрерывные обозы съ битою птицею въ Харьковъ. Цѣлыя мѣстности въ Воронежѣ назывались Гусиновками; даже до настоящаго времени за двумя улицами удержалось названіе Гусиновки. Одна изъ Гусиновокъ находится въ части города, называемой Стрѣлецкой слободой, тянется съ добрую версту. Кромѣ «русскихъ гусей», въ Воронежѣ разводилась еще особая порода гусей— *боевыхъ*.

Порода боевыхъ гусей или гусей-бойцовъ рѣзко отличается отъ обыкновенныхъ дворовыхъ или «русскихъ гусей». Гусь-боецъ коренастый, широкогрудый и широкоплечій, на короткихъ, крѣпкихъ ногахъ, съ тупымъ, короткимъ, но весьма крѣпкимъ клювомъ. Глаза его на выкатѣ, умные, быстрые; окружность глаза совершенно свободна отъ пера или пуху,—«глазъ на мокромъ мѣстѣ», какъ говорили старинные охотники-любители гусиныхъ боевъ. Бойцами являлись исключительно одни гусаки, гусыни не допускаются къ бою, а только присутствуютъ на немъ. Охотники никогда не покупали и не употребляли въ бояхъ гусака отдѣльно отъ гусыни, ихъ всегда покупали и возили на бои вдвоемъ— «съ любкой», выражаясь языкомъ охотниковъ. За гуся, въ нѣсколькихъ бояхъ оставшагося побѣдителемъ, платили бѣшенныя деньги отъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ рублей. Разсказываютъ объ одномъ сапожникѣ, что онъ взялъ за гуся-бойца 300 рублей съ тульскаго купца, случайно находившагося въ числѣ зрителей гусинаго боя. Охотники, не обладавшіе большими деньгами, предпочитали сами выводить боевыхъ гусей. Для этого они покупали яица отъ хорошихъ бойцовъ и платили за нихъ отъ 25 до 50 коп. за штуку и это въ то время, когда на рынкѣ лучшій откормленный гусь стоилъ 25 или 30 коп.—Качества хорошаго гуся-бойца слѣдующія: необыкновенная бодрость, сила челюстей, крѣпость крыла, умѣнье схватить своего противника за предплечье или нижнюю часть праваго крыла, повредить ему тонкую перепонку, управляющую движеніемъ крыла и тѣмъ обезоружить своего противника.

Лучшимъ временемъ для гусиныхъ боевъ считается осень и первые мѣсяцы зимы. Мѣстомъ для гусиныхъ боевъ, по правиламъ, не написаннымъ, не сочиненнымъ, а строго соблюдавшимся на дѣлѣ, не допускалось избирать дворъ хозяина одного изъ противниковъ-бойцовъ. Пословица: «въ своемъ домѣ и углы помогаютъ» въ данномъ случаѣ имѣетъ большое приложеніе. Въ то время, когда иногородный гусь занятъ рекогносцировкой мѣстности, хозяйскій гусь уже готовъ къ бою: подготовленность къ дѣлу—лучшее условіе счастливаго окончанія дѣла. Мѣсто для боя выбирается ровное, просторное, не имѣющее ямъ, кочекъ, выбитыхъ пней или кольевъ, свободное отъ камней и другихъ препятствій, чтобы гусь во время боя ударомъ въ кочку, колъ или камень не повредилъ себѣ крыла. Въ прежнее время гусиные бои чаще всего происходили на льду или на выгонѣ; теперь-же, когда этого рода спортъ преслѣдуется полиціей, гусиные бои происходятъ въ большихъ сараяхъ и на задворкахъ. Временемъ боя избираются праздничные дни послѣ ранняго обѣда. Въ доброе старое время разгаромъ гусиныхъ боевъ былъ конецъ ноября и первая половина декабря, особенно дни Саввы, Варвары и Николая, а потомъ рождественскія святки.

Бойцовъ-гусей привозили или приносили на мѣсто боя въ плетушкахъ, непремѣнно въ парѣ: самца-бойца и его «любку». Эти «любки» или «любимки» находились съ правой стороны каждаго изъ соперниковъ, почему онѣ не могли вступать въ бой другъ съ другомъ и не допускались къ бою. Ихъ роль въ бою была ролью дамъ сердца на рыцарскихъ турнирахъ. Во время боя любки ни на секунду не отходятъ отъ своихъ самцовъ, постоянно поводятъ шеей и клювомъ, гагакаютъ и тѣмъ воодушевляютъ и поощряютъ бойцовъ. Иногда «любка» не выдерживаетъ своей роли, бросается на противника своего самца, схватываетъ его за ногу или начинаетъ щипать его, но такую задорную любку немедленно отводятъ въ сторону, какъ вмѣшавшуюся не въ свое дѣло. Крикъ гусей, одобренія, насмѣшки и порицанія зрителей увеличиваютъ интересъ боя-потѣхи. Владѣльцы борцовъ часто доходятъ при этомъ до самозабвенія и какого-то одурѣнія. Бой продолжается, смотря по равномѣрности силы борцовъ, часъ, два и болѣе.

Въ прежнее время на такіе бои, безъ всякихъ объявленій, сходились многочисленные зрители. Устраивались пари, причемъ деньги давались третьему лицу, «за-руки». Пари происходили на рубли и на десятки рублей. Конечно, большая часть изъ выигранныхъ денегъ потомъ пропивалась. День заканчивался шумно, весело. Послѣ гусиныхъ начинались иногда кулачные бои. Теперь-же гусиные бои совершаются тайно, втихомолочку, безъ многочисленныхъ зрителей: спортсменами являются люди небогатые—мѣщане и мастеровые. Прежней шири, удали и задору уже нѣтъ. Пари идутъ грошевыя.

М. О.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Основатель „Краснаго Креста“ и неблагодарная Европа. Основатель «Краснаго Креста» Henri Dunant, въ настоящее время 67-лѣтній старикъ, какъ оказывается, проводитъ старость въ богадѣльнѣ, забытый и покинутый. Протестуя противъ этого новаго печальнаго факта крайней человѣческой неблагодарности, возвысила свой голосъ въ числѣ другихъ извѣстная Берта Сутнеръ, авторъ извѣстнаго романа «Die Waffen nieder» и предсѣдательница австрійскаго общества друзей мира. «Все, что когда либо могло-бы быть отнесено на счетъ моего движенія въ пользу мира,—говоритъ г-жа Сутнеръ,—все это я кладу къ ногамъ этого человѣка, проникнутаго пламеннымъ человѣколюбіемъ, человѣка, который отважно дѣйствовалъ среди боеваго смятенія и хаоса, подвергая свою жизнь опасности, который утолялъ тамъ тысячи мукъ, повинуясь влеченію милосердія и кипучаго состраданія, который не зналъ покоя, пока не создалъ великаго дѣла, имъ задуманнаго. Для того, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, онъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ, ѣздилъ изъ города въ городъ, отъ двора къ двору, добиваясь повсюду аудіенцій у императоровъ, королей, министровъ». И этотъ-то человѣкъ живетъ теперь бѣднякомъ, въ жалкой каморкѣ богадѣльщика! Пока еще не поздно, человѣчество можетъ поправить свою непростительную забывчивость. Россія не должна отстать въ данномъ случаѣ отъ другихъ странъ и принять участіе въ устройствѣ подобающей жизненной обстановки основателю такого благодѣтельнаго учрежденія, какъ «Красный Крестъ».

Султанъ Абдулъ-Гамидъ. Съ тѣхъ поръ, какъ больной человѣкъ сталъ заживо разлагаться и европейскія государства спѣшатъ съ своими броненосцами на консультацію въ Константинополь, газеты начали внимательно заниматься и самимъ владыкой блистательной Порты султаномъ Абдулъ-Гамидомъ. По сообщенію корреспондента официозной «Tribun'ы, султанъ въ высшей степени нервный

Годъ изданія 60-й. № 49 3-го декабря 1895 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б а в Ленинграде

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библіотека“, выходящія въ форматѣ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполнѣ замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

В. В. Верещагинъ.

Предлагаемый номеръ нашего журнала посвященъ исключительно произведеніямъ извѣстнаго русскаго художника Василія Васильевича Верещагина. Въ настоящее время въ Москвѣ открыта выставка картинъ этого талантливаго труженика на художественномъ поприщѣ и она пользуется большимъ, конечно, заслуженнымъ успѣхомъ. Поэтому мы считаемъ своевременнымъ сообщить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о художникѣ, а также о наиболѣе характерныхъ образцахъ его, поистинѣ, колоссальнаго творчества. В. В. Верещагинъ родился 14-го октября 1842 года въ Новгородской губерніи въ семьѣ древняго дворянскаго рода, записаннаго въ шестую книгу. Дѣтство В. В. провелъ, главнымъ образомъ, въ деревнѣ, гдѣ, конечно, природа уже пробудила дремавшій въ мальчикѣ талантъ. Рисовать мальчикъ началъ очень рано и сравнительно успѣшно, но на проявленіе его дарованія никто не обратилъ должнаго вниманія. Кромѣ рисованія, мальчикъ страстно любилъ чтеніе. По достиженіи восьми лѣтъ, В. В. былъ помѣщенъ въ Александровскій малолѣтній корпусъ, находившійся въ Царскомъ Селѣ. Тамъ его учили и рисовать, но ничто еще не обнаруживало въ немъ будущаго художника, къ тому-же преподаваніе шло по вялой рутинѣ. Кончивъ Александровскій корпусъ, В. В., по желанію родителей, поступилъ въ Морской корпусъ, и тамъ юноша оказалъ блистательные успѣхи по наукамъ. Занятія рисованіемъ стали тоже регулярнѣе и существеннѣе, такъ что уже въ 1858 году В. В. началъ заниматься въ рисовальной школѣ Общества Поощренія Художествъ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе директора школы Ѳ. Ѳ. Львова. Уже въ этихъ занятіяхъ выяснилось направленіе, создавшее всю послѣдующую дѣятельность В. В., при чемъ онъ часто не могъ слѣдовать наставленіямъ учителей, державшихся старой методы. Въ 1860 году, по окончаніи корпуса, В. В. сдѣлалъ рѣшительный шагъ: онъ, вопреки желаніямъ родителей и ихъ увѣщаніямъ, вполнѣ посвятилъ себя художественной дѣятельности. Отецъ оставилъ молодого художника безъ всякой помощи и ему приходилось самому уже добывать себѣ средства къ жизни. Но тутъ Ѳ. Ѳ. Львовъ выхлопоталъ ему на два года пособіе отъ Академіи Художествъ. В. В. поступилъ въ Академію въ ученики профессора Маркова. Вскорѣ молодому художнику удалось съѣздить ненадолго заграницу, чѣмъ, конечно, обогатился запасъ его свѣдѣній и наблюденій. Вернувшись, В. В. успѣшно и прилежно работалъ въ Академіи, а въ 1863 году ему удалось посѣтить Кавказъ, откуда онъ вывезъ богатый матеріалъ видовъ и типовъ. Талантъ художника все росъ, міро-

— Хорошо, говорите, но только поскорѣе.

Бруно приготовилъ было цѣлую рѣчь, но обезкураженный такимъ пріемомъ, не находилъ болѣе словъ.—Обманщица! Измѣнница. Ее продаютъ за сто унцій, какъ Іуда продалъ Христа на мученія! И она еще имѣетъ наглость смѣяться ему въ лицо! Тогда внѣ себя отъ отчаянія, сорвавъ маску, Бруно бросился искать свой ножъ.

— Ахъ, вы, кажется, собираетесь вторично зарѣзаться на моихъ глазахъ, — продолжая смѣяться, замѣтила Нунціата.

Въ эту минуту подоспѣлъ Нино, не торопясь, держа руки въ карманѣ, входя въ комнату своей вялой походкой. Увидѣвъ Бруно, который давно ужь намозолилъ ему глаза, онъ изо-всей силы, но спокойно, далъ ему здоровый пинокъ въ спину. Это было вмѣсто всякаго привѣтствія.

— Смотри, берегись: у него ножъ за пазухой!—закричала испуганная дѣвушка.

Бруно повернулся, съ лицомъ, искаженнымъ отъ бѣшенства. Онъ готовъ былъ положить всѣхъ ихъ на мѣстѣ, хотѣлъ видѣть ихъ кровь!.. Но Нино повторилъ еще ударъ и съ силою вытолкнулъ его на средину улицы.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни **В. Губаревичъ.**

Ахъ, Котикъ! Какъ, право, я глупъ—то-есть плюхъ надавать мало старому шуту! Оселъ я!

Учитель поднялъ голову, и плачъ перешелъ въ истерическій хохотъ. Докторъ опустился на землю, обнялъ друга, положилъ его голову къ себѣ на грудь, ласкалъ его, гладилъ, слушалъ его безсвязныя слова...

— Письмо... оттуда... сынъ... нѣтъ, не могу сегодня...

— Ну, и не надо, и не надо... завтра разскажешь; а теперь успокойся... Какъ ты напугалъ меня, родной мой, вѣдь у меня одинъ ты остался...

II.

Утро, солнце только-что взошло; было еще прохладно. Наскоро напившись чаю, я торопливо собрался и поѣхалъ «на избушку», мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть гнѣздо зачаулинцевъ. Вотъ и избушка. Подъ развѣсистымъ деревомъ, надъ обрывомъ, сидѣли двѣ фигуры: старикъ-сторожъ и передъ нимъ какой-то человѣкъ средняго роста. Его жидкіе черные волосы висѣли до плечъ, лицо было помято, черные, маленькіе глаза такъ и бѣгали вокругъ. Увидавъ меня, онъ привсталъ и развязно расшаркался, придерживая одной рукой воротъ сюртука, другой брюки. На немъ были женскіе прюнелевые башмаки съ неимовѣрно высокими каблуками; брюки были тщательно заштопаны, а сюртукъ у ворота зашпиленъ булавкой на глухо; о бѣльѣ, конечно, и рѣчи не могло быть, хотя руки и лицо были вымыты. Видимо, человѣкъ старался поддержать свою наружность.

— Вотъ они пишутъ въ газетахъ! Не угодно-ли познакомиться! рекомендовалъ сторожъ.

Субъектъ опять вскочилъ и, снова расшаркиваясь, прохрипѣлъ:

— Антонъ Емельяновичъ Сидоровъ!

Я раскланялся въ свою очередь, но Антонъ Емельяновичъ фамильярно протянулъ мнѣ свою руку и долго потрясалъ мою, такъ что я едва выдержалъ, чтобы не выдернуть ее. Наконецъ, онъ усѣлся, откашлялся въ кулакъ и вдругъ торопливо протянулъ руку къ моему портсигару и стремительно выхватилъ оттуда папиросу.

— Такъ вы предаетесь благородному искусству писанія?! И я тоже, о, я васъ могу воодушевить! Могу вамъ столько подсказать! Ахъ, знаете, враги... интриги... а давно ли это было! Я былъ въ Петербургѣ, въ гимназіи... но тутъ у меня вышла исторія, недоразумѣніе съ начальствомъ—выгнали, я поступилъ въ военную службу, но и тамъ выгнали!.. Пострадалъ за правду. Я ужасно прямодушенъ, видѣлъ несправедливости, ну, и высказалъ, не стерпѣлъ! Выгнали! Рѣшилъ—въ Ташкентъ, пошелъ къ генералу Евдокимову, онъ въ то время былъ въ Питерѣ въ отпуску. Принялъ; получилъ я прогоны и поѣхалъ! Ахъ, какое время-то было, что за житье! Вонъ онъ подтвердитъ вамъ! кивнулъ разсказчикъ на сторожа;—то-есть веселье съ утра до ночи и съ ночи до утра... Въ карты играли до того, что мнѣ мой сослуживецъ свою жену проигралъ...

— Жену?! Я что-то слыхалъ, да не вѣрилось!

— Честное слово! Фактъ, фактъ! Вотъ и онъ знаетъ! указалъ онъ снова на сторожа.— Все проигралъ мнѣ: лошадей, вещи и, наконецъ, ставитъ на карту жену!—моя!

— Ну, и что-же?

— Поблѣднѣла, губы сжала, не говоря ни слова, пошла за мной!

— Ну, а дальше?

— А дальше? Я ее проигралъ еще одному, а послѣ она—замоталась-бы вовсе, да молодой офицеръ Егоровъ пріѣхалъ, увидалъ, узналъ все это, взялъ отставку, забралъ ее и увезъ! Говорятъ, первое время бѣдствовали, а теперь поправились, живутъ хорошо.

— Да вѣдь это ужасъ!

— Ничего! пустое!—Всѣ тогда такъ жили и весело было, а сколько черезъ женъ карьеру дѣлали! Да что! — мало карьеру, богачами уѣзжали! Да чего далеко ходить, магазинъ купца Жирнаго знаете? Ну, вотъ и магазинъ вѣдь этотъ, и домъ, все—все его теперешнее богатство, все черезъ красоту жены. Былъ у меня сослуживецъ, ну, такъ, дрянь человѣчишка, но, знаете,—жена у него!.. Кладъ! Умна, хороша—и главное весела — море по колѣно; вскочитъ въ сѣдло — не догонишь! Ну, и выпить мастерица!.. А выпьетъ, такъ поетъ; голосъ прекрасный, и пѣсенъ знала массу, все свои малороссійскія, а голосъ грудной, задушевный... Все тутъ: и веселье, и грусть, и задоръ безшабашный! Какъ теперь вспомню, сердце вздрагиваетъ! Весь Ташкентъ у ея ногъ былъ, а мужу то чинъ, то орденъ, то повышеніе, да вѣдь какъ!—шесть лѣтъ подрядъ представляли къ наградѣ — неслыханно!.. Только она этого не цѣнила, странная была женщина... Ея мужъ теперь въ Россіи, живъ, купилъ хуторъ въ Малороссіи и живетъ себѣ генераломъ...

— А она?

— Умерла! — таинственно какъ-то, скоропостижно. Кто говоритъ, ее задушили изъ ревности, кто говоритъ, сама отравилась... Говорятъ, влюбилась она въ актера одного,— вы его увидите... Онъ въ капотѣ ходитъ и говоритъ странно; онъ съ ума сошелъ послѣ бѣлой горячки, но это сумасшествіе съ ея смерти готовилось... Онъ помѣшанъ на смерти и безсмертіи—ну, да сами увидите; только онъ не вѣритъ въ ея смерть и увѣряетъ, что ее живую закопали... Сумасшедшій и только, пилъ до того, что заболѣлъ!

— Все отъ любви къ ней?

— Да! впрочемъ, меня тогда не было... У него даже ея карточка есть! Только онъ рѣдко показываетъ и то только тѣмъ, въ комъ онъ увѣренъ, что смѣяться не будутъ!

— А вы въ то время гдѣ-же были?

— Да вотъ съ этого-то и пошла бѣда моя. Дѣла мои шли недурно, потому-что пилъ я мало и всегда за всѣхъ все вѣдалъ и одинъ былъ, такъ сказать, на стражѣ русской власти. Денегъ мнѣ сарты и подарковъ натащили видимо-невидимо! Да только не того я хотѣлъ... И пришла мнѣ фантазія — дай, молъ, тоже женюсь, да привезу сюда женку хорошенькую, задорную, какихъ тогда я дѣловъ надѣлаю... Чуть не въ губернаторы мечталъ!!. Начальникъ одобряетъ. «Смотри! шутитъ, хорошенькую привези! Да непремѣнно блондинку! Брюнетка у насъ есть, да и другой такой у насъ не будетъ, какъ нашъ милый малороссійскій соловушка». И пособіе въ двѣ тысячи далъ на поѣздку... Пріѣхалъ я на родину, пустилъ пыль въ глаза — барышенъ хоть прудъ пруди: и богатыхъ, и хорошенькихъ; да я не того ищу, — что мнѣ ихъ богатство! Наконецъ, нашелъ! Красавица такая, что я такъ и ахнулъ: и бойка, и весела... но—брюнетка!.. Ну, что тутъ дѣлать? Хоть онъ и шутилъ, а все-же, я его знаю: надо помнить! Привози блондинку! Ну, гдѣ я такую возьму, какъ эта: вѣдь рѣдкостная красота, и бѣдная—будетъ послушна! Даю телеграмму о разрѣшеніи; получаю отвѣтъ: «разрѣшаю жениться на блондинкѣ». Что это значитъ! Какъ понять, «на блондинкѣ»?.. Прихожу къ ней, показалъ телеграмму—прочла, заплакала и говоритъ: «Вашъ начальникъ хочетъ, чтобы вы женились на блондинкѣ; ну, вѣрно, такъ Богу угодно! прощайте!..» Мнѣ такъ стало жаль ее, такъ это она кротко сказала, да и подумалъ я, что все это обойдется, увидятъ ея красоту,—ужь очень я на это надѣялся,—взялъ я ее за руку и говорю:

— Ну, Богъ съ нимъ, съ генераломъ, а я все-таки женюсь! Кинулась она ко мнѣ на шею, называетъ и великодушнымъ, и самоотверженнымъ... Везу ее въ Ташкентъ и пріучаю помаленьку.—Знаешь, говорю, я очень люблю, чтобы моя жена царила, чтобы за ней увивались мужчины. Она смѣется и говоритъ:—«Постараюсь». Только, говорю, смотри—съ разборомъ; вотъ постарайся понравиться нашему генералу, еще двумъ, тремъ изъ этой компаніи, а такъ на кого попало, не стоитъ тратить вниманіе! Да смотри, подружись съ «малороссійскимъ соловьемъ»: эта барыня будетъ руководить тобою, безъ нея пропадемъ!—«Только-бы обошлось, что я брюнетка, а за остальное ручаюсь. О, я очень честолюбива.» Такой отвѣтъ мнѣ очень понравился. Какъ пріѣхали, на другое-же утро стали собираться къ генералу, туалетовъ ей надавали и самъ я нашилъ тьму!.. Только-что одѣлись, выходимъ въ прихожую, а самъ генералъ катитъ.

— А вотъ я и самъ пришелъ смотрѣть жемчужину сѣвера! Взглянулъ и побагровѣлъ. Сразу тонъ измѣнилъ, сухо такъ раскланялся, она струсила и ушла; тутъ онъ на меня накинулся:

— Это что-же?! Нашему «малороссійскому соловушкѣ» соперницу привезъ! Да это нахальство! Я тебѣ, кажется, сказалъ на прощанье...

— Ужь очень красива, блондинокъ такихъ красивыхъ не было! Я думалъ...

— Думалъ!.. Хороша! Вѣдь я тебѣ говорилъ, что красивѣе Маріи Александровны быть

не можетъ! Ну, что она? Что передъ Марьей Александровной! Да это оскорбленіе! Это нахальство—соперничать! Вздумалось Марію Александровну замѣнить!!

— Какъ—замѣнить? Напротивъ, подъ ее покровительство...

— Умерла она! Ты зналъ, что безъ тебя умерла она, и вообразилъ замѣнить ее! Нѣтъ, память о ней прочна въ нашихъ сердцахъ,— и всякая, которая осмѣлится претендовать, на нихъ, только заставить насъ еще больше скучать о покойномъ «малороссійскомъ соловушкѣ», незамѣнимомъ, незабвенномъ! — Голосъ его задрожалъ, онъ отвернулся, вышелъ и уѣхалъ.

Мы точно кипяткомъ ошпарены. Поѣхали было къ другимъ изъ этой компаніи, не приняли; видно, пронюхали о пріемѣ генерала, проклятые холопы! Мы совсѣмъ растерялись... Она плачетъ... Сообразилъ я, что надо поѣхать къ купчихѣ Жирновой: она все-же вѣсъ имѣла и, вѣрно, замѣняетъ Марью Александровну. Пріѣхали къ ней, заставила ждать въ гостиной, наконецъ вышла, морда—надутая; ни дать, ни взять благодѣтельница, а мы съ прошеніемъ! Хотѣлось мнѣ ей въ морду плюнуть, да нечего дѣлать, сломилъ себя! Ужь мы льстили, льстили ей, а она ломалась, ломалась надъ нами, наконецъ, будто смягчилась и говоритъ:

— А вы визитовъ еще никому не дѣлали? Вы-бы ѣхали!..

Мы кинулись ее благодарить за ободреніе и за совѣтъ... Ослы! повѣрили! Я расшаркиваюсь, возьмите, молъ, подъ покровительство! Неопытная, молъ, женщина! Она снисходительно мѣряетъ жену взглядомъ.

— Вы, говоритъ, шутите: она всѣхъ кавалеровъ къ своимъ ногамъ низвергнетъ!..

Я тутъ, польщенный, ей про генерала проболтался, она вдругъ обрадовалась, давай хохотать, такъ съ хохотомъ насъ и проводила; вышли—недоумѣваемъ, что это! И надо отдать справедливость женѣ, хоть и неопытная, а вела себя молодцомъ! Только ѣдемъ въ недоумѣніи, что теперь дѣлать, а насъ обгоняетъ экипажъ и въ немъ она, Жирнова; обогнала и такъ насмѣшливо раскланялась. У меня сердце екнуло, погналъ я лошадей, но только въ какой-бы важный домъ съ визитомъ ни пріѣхали, вездѣ у подъѣзда съ ней встрѣчались. Мы подъѣзжаемъ, она уѣзжаетъ. Ну, объѣхали всѣхъ, кого слѣдовало; вездѣ двусмысленные вопросы, ну, просто измучались! Дамы — одна холоднѣе другой, а одна такъ прямо спрашиваетъ: «что, пріѣхали сюда нашимъ мужьямъ головы кружить?..» Больше не могли—домой! Ѣдемъ, опять ее встрѣчаемъ, она смѣется прямо въ глаза, пальцемъ грозитъ и кричитъ:

— У, соперница, жестокая, всѣхъ мужчинъ очаровала!..

Въ слѣдующее воскресенье приготовили мы кофе, ждемъ часъ, другой; все посматриваемъ, въ порядкѣ-ли столъ; то къ окну подойдемъ—никого! И понялъ тутъ я, что не хотятъ намъ визитовъ отдавать. Сидимъ мы у окна, точно оплеванные, а на улицѣ экипажи ѣдутъ, раскланиваются другъ съ другомъ и все мимо... и все мимо... Ахъ, чертъ бы васъ побралъ! Жена блѣдная и на меня взглянуть не смѣетъ! Нѣтъ, думаю, надо показать, что мы и не думаемъ ждать! Плевать на нихъ хотимъ! Велѣлъ я заложить лошадей. Она робко такъ мнѣ говоритъ: «можетъ быть, послѣ катанья завернутъ!» Я только рукой махнулъ. Выѣхали и мы. Пара у меня заглядѣнье, сбрую привезъ съ собой новую; выѣхали съ шикомъ, только никто не кланяется намъ. Ѣдетъ навстрѣчу и Жирнова, и съ кѣмъ же?—съ генераломъ! Прищурилась на насъ, будто въ первый разъ видитъ... Разозлился я... Пріѣхали домой; какъ взглянулъ я на столъ,—все еще накрытъ и молочники разставлены,—похватилъ я все и давай швырять за окно! Жена убѣжала и расплакалась! Я схватилъ шапку и къ Жирновой, по дорогѣ выпилъ съ горя! Она приняла меня, я ее упрекать, а она смѣется и говоритъ:—Что-же! вѣдь если-бы ваша жена понравилась генералу, такъ вы бы надъ нами величались, вы бы командовали; вѣдь вы съ этимъ и ѣхали, да не выгорѣло, а намъ что-же зѣвать?.. Уѣзжайте лучше въ Маргеланъ! Подайте въ отставку!— Ну, нѣтъ ужь!—говорю... Принялся я было кричать, да выталкали вонъ. Напился я въ лоскъ. На другой день получаю бумагу объ отставкѣ по 3-му пункту безъ объясненій причинъ. Волосы рвалъ на себѣ, вѣдь она права была, подать въ отставку мнѣ вчера самому и уѣхать въ Маргеланъ, поблагодаривъ ее за науку! А я скандалилъ, кричалъ, дуракъ!..

Теперь куда дѣнешься! Такъ хорошо-же! Я васъ допеку! Принялся я писать доносы, шпіонить... въ этомъ душу отводилъ. Прожили, наконецъ, все, что было, пошла тутъ она... нищета!.. Я ругаюсь, скандалю, пишу анонимныя письма, на стѣнахъ карикатуры рисую... наконецъ, нечего ѣсть стало... Жена похудѣла... подурнѣла... Разъ сидимъ мы въ сумерки... Свѣчъ и спичекъ нѣту... Не ѣли два дня... холодно очень... за окномъ дождь. А знаешь, говорю, хорошо-бы поѣсть и печку затопить и свѣчку зажечь?—«Хорошо-бы!»—Знаешь, я схожу къ казначею полка, приведу его сюда, онъ всего намъ отпуститъ изъ полка? Она опустила голову, молчитъ...

Привелъ я казначея. За нимъ пріѣхала арба съ дровами. Вѣстовой затопилъ печь, прибралъ все, зажегъ свѣчи, изъ офицерскаго собранія принесли ужинъ,—вино. Жена преобразилась, глаза горятъ, пьетъ больше, нашего... Выпили, поболтали, наконецъ я хочу уйти, будто-бы посмотрѣть газеты въ клубѣ, а она проситъ остаться, а сама поблѣднѣла. Пожалъ плечами, однако, сѣлъ; она встала, налила намъ въ бокалы шампанскаго, подняла руку съ бокаломъ и воскликнула:—господа, выпьемъ за брюнетокъ!—Ура!—подхватили мы. Она разомъ выпила бокалъ и бросила его на землю, сама повернулась и вышла, а лицо какое-то особенное, торжественное. Подождали мы... Стали играть въ шашки, онъ мнѣ все проигрываетъ; проигралъ до ста рублей, а она все еще не идетъ... Вдругъ слышу крикъ, прибѣжалъ въ спальню. Лампа горитъ на столѣ... Она лежитъ на кровати, изъ горла льется кровь... На полу валяется моя бритва... Тутъ ужь всѣ перетрусили, и самъ генералъ придралъ на панихиду, денегъ предлагалъ, да я отказался! Ужь очень мнѣ было пріятно ему ихъ назадъ швырнуть!—Я-бы, говорю, вамъ многое могъ сказать, да противно! На-зло имъ всѣмъ положилъ ее въ простой некрашеный солдатскій гробъ... Генералъ мою дерзость съѣлъ и все-таки приплелся на похороны и приказалъ ее отпѣть и похоронить, какъ будто-бы и не самоубійцу. — Мнѣ мѣсто предлагалъ... да нѣтъ!—слуга покорный, теперь не пойду... Да и зачѣмъ!—того, чего хочу, теперь ужь не получу! Такъ лучше ужь ничего! Проклятые. Пусть лучше знаютъ меня! Не купите грошевымъ мѣстомъ! Мнѣ по крайней мѣрѣ нечего терять! А, вы погубили меня—такъ и я-же презираю васъ! Я сталъ страшно пить, буянить—ужь и мучилъ-же я ихъ! Врывался въ собраніе, ругался, разгонялъ ихъ по угламъ и смирно уходилъ, когда меня окружала прислуга... но затѣмъ черезъ часъ являлся снова! Я былъ ихъ бичемъ, они не могли спокойно веселиться, всюду видѣли меня, запирались въ комнатахъ! Жирновой пришлось десять разъ побѣлить свой домъ, то дегтемъ вымажу, то какость напишу, или нарисую, и все это ночью, такъ что утромъ всѣ видятъ! Пока проснутся, да пока закрасятъ! Они даже особаго сторожа посадили, но я и тутъ ухитрился наклеивать карикатуры на стекла. Молодежь тайно была за меня, кормила меня, поила, помогала, ихъ забавляло все это. Наконецъ, дорвался,—засадили; вышелъ я изъ тюрьмы и принялся иначе мстить! Началъ писать доносы... Многихъ изъ тѣхъ теперь ужь нѣтъ. Которые перевелись, кое-кто въ зачаулинцахъ, другіе высланы на счетъ благотворительнаго общества въ Россію, тѣ—ушли съ партіей солдатъ на родину... А я все пишу! Я врагъ всего власть имущаго! Я пишу доносы и на теперешнихъ! Пишу, пишу, но газеты и журналы трусятъ печатать, не принимаютъ, и, знаете, такъ трусливы, что и рукопись не возвращаютъ, а уничтожаютъ!.. Да! А живу я трудами своей находчивости... Я, какъ интеллигентъ, могу, конечно, составлять письма; сижу я на базарѣ,—у меня тамъ свой столикъ и стулъ, сижу и пишу прошенія, кляузы, письма солдатамъ на родину, а если работы заколодило, то перессорю двухъ купцовъ-сартовъ, они любятъ въ русскомъ судѣ судиться... и тогда моя жатва!.. Только вотъ костюмъ замучилъ! надо его поддерживать все-же въ приличномъ видѣ! Вотъ можетъ, вы ссудите меня старымъ платьемъ? По товарищески... вѣдь вы и я служимъ одной богинѣ—литературѣ... А то, видите, безкостюмному довѣрія нѣтъ!

— Когда-же вы пишете?

— А вотъ здѣсь, у него, на избушкѣ, по вечерамъ... Тутъ и ночую иногда. Ахъ, сколько воспоминаній будятъ эти стѣны! Зато и вдохновляютъ мою злобу! Иногда ночую, когда не пишу, на горѣ, а чаще всего въ караульной, они меня любятъ, я имъ книжки читаю... Обѣдаю въ казармахъ съ солдатами, за это имъ тоже читаю, они страстные любители послушать чтеніе, они и накормятъ, а зачастую и напоятъ. Да, знаете, я не могу опуститься такъ, какъ всѣ прочіе зачаулинцы... Вотъ вы увидите, что это за скоты! О, нѣтъ, я отъ нихъ далекъ, хотя и числюсь зачаулинцемъ! Я не теряю энергіи! Рано или поздно, а правда выйдетъ наружу... Мои сочиненія будутъ не только печататься, но даже просить, умолять станутъ эти трусы-редакторы... Будутъ выпрашивать, хоть пять строкъ...

— Какъ-же вы узнаете адреса редакцій?

— Очень просто! — въ календарѣ, у меня есть такой...

Больше я не могъ слушать, становилось тошно, я велѣлъ подать водки, онъ выпилъ и сразу опьянѣлъ; онъ вообразилъ, что я его подпаиваю, что желаю вывѣдать побольше и посекретнѣе разсказовъ, и съ готовностью близехонько присѣлъ ко мнѣ и началъ разсказывать разныя грязныя вещи. Къ счастью, онъ выпивалъ все чаще и чаще и, наконецъ, позабылъ и о насъ со старикомъ, и обо всемъ, кромѣ графина. Онъ осовѣлъ, глядѣлъ куда-то передъ собой, время отъ времени подымалъ глаза на графинъ и выкрикивалъ точно лаялъ: — Anfoin! — Plait-il

monsieur?—Verse moi du vin! — Tout de suite, monsieur!—И мнимый Антуанъ наливаетъ настоящему водки, тотъ выпиваетъ, говоритъ «merçi», плюетъ въ одну сторону, и время отъ времени дрожащими руками вынимаетъ изъ кармана какія-то бумаги, обличительные акты и хрипитъ какую-то чушь вродѣ: «Вотъ, я ихъ упеку, вотъ я ихъ проберу! Братья писатели! тяжкая доля наша!.. Воры, мошенники, я васъ открою!.. Antoin!..»

Мы бросили его и поѣхали къ Чаули...

III.

Издали еще слышенъ былъ шумъ и журчанье воды, свергавшейся съ плотины; тамъ внизу она бурлила и пѣнилась, но выше, за плотиной, шла тихой, тяжелой массой. По берегу разбросаны были какія-то руины въ видѣ большихъ кучъ жженаго кирпичу... Когда мы подъѣхали ближе, оказалось, что это—остовы стѣнъ, внутри какія-то ниши, ходы, углубленія: это и были зачаулинскіякирпиче - обжигательныя печи. Онѣ разсѣлись отъ дождя, но такъ удобно, что образовались годныя для убѣжища щели и углы. Кругомъ тянулась степь. Мы оставили лошадей въ кустахъ и пѣшкомъ направились къ берегу.

Изъ печей вылѣзали всклокоченныя фигуры, кто—безъ сюртука, кто — въ халатѣ, кто — вовсе нагишемъ. Какихъ только костюмовъ тутъ не было—и куцавѣйки, и ротонды! Они бѣжали трусцой къ рѣкѣ...

Они бѣжали купаться. Теперь еще они были не въ духѣ; вечеромъ-же, когда они подопьютъ, становятся веселѣе! Искупавшись и очухавшись, они посылаютъ очередныхъ въ городъ на промыселъ—вѣдь ѣсть, пить надо, а костюмовъ мало... Вотъ и соблюдается очередь; неспособные сидятъ, рыбу ловятъ, а способные ходятъ по-очереди въ городъ по столько человѣкъ, на сколькихъ костюмовъ хватитъ; они и милостыню просятъ, и воруютъ, и пляшутъ на базарѣ... Кто можетъ протрезвиться, тотъ пишетъ письма по казармамъ... Куски собираютъ, сказки разсказываютъ, да мало-ли занятій.

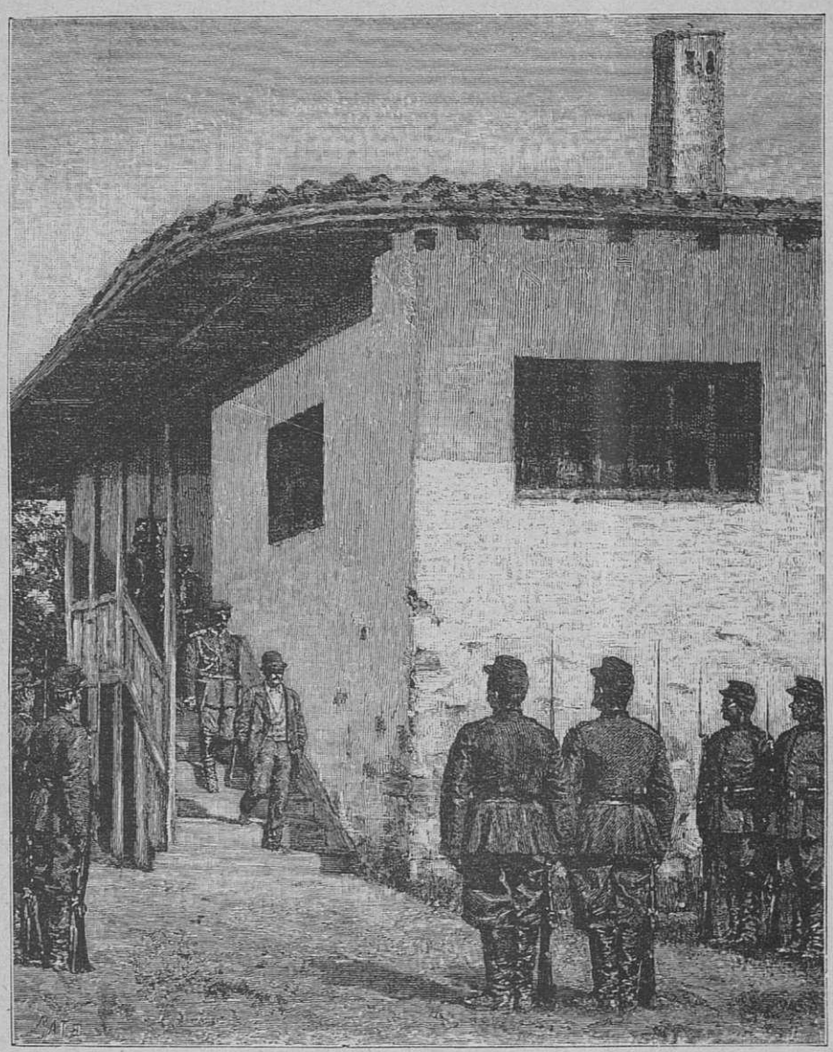
— Есть и покрупнѣе дѣлишки. Вотъ, смотрите, смотрите на этого! Этотъ изъ крупныхъ, ихній аристократъ!—проговорилъ сторожъ. Изъ печи вылѣзъ молодой человѣкъ, вполнѣ приличный; все, по крайней мѣрѣ, на немъ было: и сапоги, и сюртукъ. Онъ засунулъ руку въ щель между кирпичами, досталъ оттуда вѣникъ и почистилъ платье; потомъ осмотрѣлся, вынулъ изъ кармана даже гребенку и причесался; потомъ легкой походкой направился къ россійской дорогѣ.

— Вотъ онъ теперь пойдетъ на первую станцію, прикинется гуляющимъ, подмажется къ проѣзжимъ, сведетъ знакомство, попроситъ довезти до города, втрется въ руководители и, въ концѣ-концовъ, обдуетъ ихъ! Или придетъ на станцію, закажетъ самоваръ и за чаемъ поджидаетъ проѣзжихъ. Знакомится тогда съ уѣзжающими въ Россію; тутъ ужь онъ прямо обираетъ... Предложитъ стаканъ чаю; тѣ соглашаются, потому что почти никогда лошадей нѣтъ: все равно приходится ждать... Ну, и стащитъ что можно: пледъ, подушку, денегъ рублей пять, десять!

— Какъ-же не попадется?!

— Умецъ! Беретъ немного, а изъ-за немногаго не станутъ и возиться, тѣмъ болѣе въ дорогѣ. Человѣкъ проѣзжій, съ этимъ и ѣдетъ; ну, какого проѣзжаго не обирали!?.. Да, знаете, и напрасно жаловаться; у насъ еще пока ни одного вора не нашли! Развѣ для чиновныхъ да очень богатыхъ постараются; такъ къ такимъ онъ и самъ не сунется... Вотъ такъ и ютится тутъ; житье привольное: ни стѣсненья, ни начальства, ни порядку, ни горя... Лѣтомъ тепло, а зима велика-ли? Да зимой опять-же всякій больше пожалѣетъ и подастъ... Да!

(Продолженіе слѣдуетъ).



Шпонъ. Съ картины художника В. Верещагина.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Чиновникъ-крысоловъ. Въ Парижѣ, какъ сообщаютъ англійскія газеты, учреждена новая правительственная должность: уничтоженіе крысъ. Чиновникъ, исполняющій эту обязанность, употребляетъ старый и самый простѣйшій способъ уничтоженія крысъ: онъ наводнилъ всѣ казенныя зданія множествомъ кошекъ, которыя содержатся на счетъ правительства. Кошекъ въ особенности много въ зданіи почтамта. Онѣ свободно разгуливаютъ по всѣмъ отдѣленіямъ и никто ихъ не смѣетъ трогать.

Статистика потребленія бумаги. Лѣтъ тридцать тому назадъ говорили, что цивилизація народа выражается количествомъ потребляемаго имъ мыла. Въ настоящее-же время утверждаютъ, что количество расходуемой бумаги можетъ служить доказательствомъ цивилизаціи той или другой націи и при этомъ указываютъ на статистику, а именно:—Всѣхъ бумажныхъ фабрикъ на земномъ шарѣ 3,985, онѣ производятъ 1,450 милліоновъ килограммъ бумаги ежегодно. Типографіи употребляютъ половину этого количества; одни журналы расходуютъ бумаги 335 милліоновъ. Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ это количество увеличилось на 110 милліоновъ килограммъ. Расходованіе бумаги по національностямъ распредѣляется такимъ образомъ: на каждаго англичанина приходится 6 килограммъ и 50 граммъ бумаги; на американца 5 килограммъ 70 граммъ; на нѣмца 4 кил. 40 грам., на француза 4 кил. 20 грам., на итальянца и австрійца приблизительно по 2 кил., на мексиканца 1 кил. 20 грам., на испанца 0 кил. 85 грам., на русскаго 0 кил. 70 грам. ежегодно. Изъ этой любопытной статистики видно, что англичане и американцы болѣе всѣхъ читаютъ журналы, а потому и могутъ считаться самыми цивилизованными.

Разрѣшеніе восточнаго вопроса. Турецкій султанъ не особенно горячо занимается государственными реформами, несмотря на безпорядки по всей Имперіи. Вотъ характерная сцена, которую описываетъ одинъ итальянскій корреспондентъ. Властелинъ блистательной Порты сидитъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ и по обыкновенію куритъ; входитъ великій визирь и докладываетъ:

— Посланники иностранныхъ державъ желаютъ говорить съ вашимъ величествомъ.

— Опять посланники! Что имъ нужно отъ меня?— спрашиваетъ султанъ.

— Они говорятъ, что правительства, уполномочившія ихъ, желаютъ передать вамъ нѣкоторыя соображенія.

— Хорошо: пусть войдутъ, печально говоритъ султанъ.

Посланники входятъ. У султана начинаетъ прыгать нижняя челюсть, лицо его блѣднѣетъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ объявляетъ посланникамъ, что вопросъ уже исчерпанъ.

— Не совсѣмъ,—отвѣчаютъ посланники.

— Ну, а больше я ни о чемъ говорить не могу, потому что болѣнъ,—продолжаетъ султанъ и съ этими словами протягивается на диванѣ.

Великій визирь извиняется передъ посланниками, объясняя поведеніе султана нервозностью, доходящей до болѣзненности. Посланники уходятъ и телеграфируютъ своимъ правительствамъ: «Произведено новое давленіе на султана, результаты самые благопріятные». По уходѣ посланниковъ повелитель блистательной Порты быстро вскакиваетъ съ дивана и, обращаясь къ великому визирю, говоритъ:

— Табаку и трехъ одалисокъ!

Жена Цезаря. Молодая вдова съ 27,000 флориновъ приданаго, публикуетъ въ «Picolo di Trieste», что желаетъ сочетаться бракомъ съ господиномъ отъ 25 до 30 лѣтъ, который непремѣнно назывался-бы Цезаремъ.

Годъ изданія 60-й. № 50 10-го декабря 1895 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Академическая

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библіотека“, выходящія въ форматѣ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполнѣ замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Зима въ Финляндіи. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

Стеттинъ стоялъ у входа въ бальную залу; онъ нарочно пріѣхалъ раньше, чтобы не пропустить молодую дѣвушку. Она вошла, радостно сіяя своей красотой. Ему стало больно, глядя на ея радость, такъ какъ онъ зналъ причину ея счастья и зналъ, что ему скоро придется огорчить ее. Онъ подошелъ къ ней и предложилъ руку. Марія съ радостью приняла ее, потому что Стеттинъ былъ лучшимъ другомъ ея князя. Однако, она постоянно оглядывалась по сторонамъ, ясно было, что она кого-то ждала. Наконецъ, Марія не выдержала и спросила своего кавалера:

— Отчего вы не пришли вмѣстѣ съ княземъ, какъ вчера?

Призвавъ на помощь все свое мужество, онъ отвѣтилъ:

— Князь не придетъ сегодня.

— Какъ не придетъ? воскликнула она, — навѣрно придетъ, онъ танцуетъ со мной котильонъ. Развѣ онъ боленъ? прибавила она испуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не боленъ. Позвольте мнѣ пригласить васъ на котильонъ, князь поручилъ мнѣ замѣнить его, потому что онъ уѣхалъ въ Бельгію.

— На долго?

— Мѣсяца на три, если не больше.

Посмотрѣвъ на Марію, Рексъ почувствовалъ угрызенія совѣсти; глаза ея потухли, лицо подернулось мертвенной блѣдностью и отъ прежней, сіяющей счастьемъ красоты не осталось и слѣда.

Въ эту минуту графиня Треренбергъ и баронесса Банутъ поравнялись съ Маріею де-Ривенъ: эти двѣ почтенныя маменьки обладали каждая некрасивой дочерью, которую невозможно было пристроить. Со злостью, свойственной этого рода женщинамъ, баронесса сказала своей спутницѣ злобнымъ шепотомъ:

— Знаете новость? Князь де-Клессъ услалъ своего сына въ Богемію, такъ какъ не хочетъ и слышать о его женитьбѣ на Маріи де-Ривенъ. Войтъ не противился отцу; онъ самъ, вѣроятно, радъ былъ отдѣлаться; говорятъ, его тамъ страшно ловили.

Марія все слышала.

Стеттинъ шелъ рядомъ съ ней, не смѣя поднять глазъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился взглянуть на свою спутницу, то увидѣлъ двѣ крупныя слезы, медленно катившіяся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. Ему сдѣлалось безконечно жаль молодую дѣвушку; онъ понялъ, что въ сердцѣ Маріи безвозвратно погибла наивная довѣрчивость, составляющая обаяніе молодости.

* * *

— Посмотри, сказалъ Войтъ, протягивая своему другу карточку, на которой было написано: «Графъ и графиня Карола просятъ васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ихъ Маріи де-Ривенъ съ графомъ Людвигомъ Катекъ Мароль».—Что ты на это скажешь? спросилъ Войтъ.

— Я нахожу это вполнѣ естественнымъ, отвѣтилъ Стеттинъ.

— Естественно! воскликнулъ князь,—а я такъ нахожу, что это просто отвратительно. Какая комедіантка, эта дѣвчонка! А я и точно вообразилъ, что она меня любитъ! Ахъ, женщины, женщины, всѣ вы на одинъ ладъ!.. Но все-таки отъ нея я этого не ожидалъ.

Рексъ, совершенно ошеломленный, смотрѣлъ на своего друга и думалъ объ этихъ двухъ слезинкахъ, неизгладимо врѣзавшихся въ его память. Черезъ минуту онъ философски пожалъ плечами и не сказалъ ни слова. Впослѣдствіи узнали, что графъ Мароль очень богатъ и что ему сорокъ лѣтъ.

Войтъ де-Клессъ, сочетавшись законнымъ бракомъ съ своей герцогиней, продолжаетъ думать, что Марія очень гадко поступила въ отношеніи его.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни **В. Губаревичъ.**

(Продолженіе).

— А почему-же этотъ молодой человѣкъ не можетъ жить по-людски?.. — Лицо сторожа приняло грустное выраженіе, онъ вздохнулъ...

— Видите, отецъ жилъ врозь со своей женой, а мальчикъ былъ сынъ его отъ кухарки; старикъ говорилъ мальчику, что никто этого не знаетъ и что онъ его усыновилъ, такъ что ему послѣ смерти старика наслѣдникомъ всего его капитала быть... А капиталъ-то большой, шестьдесятъ тысячъ! Мальчишка избаловался; ничего знать не хочетъ! Что, говоритъ, мнѣ! Шестьдесятъ тысячъ всегда на мой вѣкъ хватитъ! Поступлю, говоритъ, для чина на службу, да служить-то буду шутя, къ чему мнѣ! А нѣтъ— хозяйничать буду, землю запасу... Ничему его не учили, только въ городскомъ училищѣ кончилъ и то съ грѣхомъ пополамъ... Обзавелся товарищами, охотился, гонялъ собакъ, да у отца деньги выматывалъ! Старикъ любилъ его, что и говорить!—всегда своимъ сыномъ звалъ, балы для него задавалъ! И всѣ его любезно принимали, судейскія барышни съ нимъ даже и амазонками катались. Вдругъ старикъ упалъ съ лошади, ударился затылкомъ и умеръ. Завѣщанія не оставилъ!.. Пріѣхала законная жена, кухарку изъ дому выгнала. Мальчику въ это время только что исполнилось 17 лѣтъ—самые задорные годы! И погнали его съ матерью изъ дома!. Онъ заспорилъ, разозлился, устроилъ скандалъ... Его забрали на гауптвахту. Онъ чуть съ ума не сошелъ: пришлось призадуматься, а онъ къ этому непривыченъ былъ... На другой день ведутъ его въ участокъ и здѣсь передъ всѣмъ честнымъ народомъ объявляютъ ему, что фамилія ему не Меньщиковъ, а Демьянкинъ, что онъ незаконный сынъ мѣщанки Демьянкиной... Заявила-де о томъ полковница, чтобы все это было ему объявлено... «Какъ такъ?»—Онъ-то вспылилъ.—«Она не имѣетъ права, я узаконенъ, значитъ»...—«То-то и дѣло, что нѣтъ! До сихъ поръ вамъ объ этомъ ничего не говорили... А теперь дескать наша обязанность заявить вамъ, что вы сейчасъ-же должны приписаться къ мѣщанамъ города Ташкента! И то мы все откладывали»... Обезпамятѣлъ мальчикъ... Потомъ, гдѣ-то пропадалъ двѣ недѣли; только приходитъ ко мнѣ, одичалый, всклокоченный... Одинъ знаю, сколь горько ему было! «Дай, говоритъ, пріютъ мнѣ, а обѣдъ я себѣ добуду!» Мать, говорю, всѣ глаза выплакала. «Не могу, говоритъ, я! Еслибы я не важничалъ,—а то какъ вспомню я теперь, какъ я деньгами швырялъ, зазнавался, какъ я госпожу Меньщикову, какъ хозяинъ, принялъ, и какъ ей великодушно заявилъ, что она можетъ здѣсь располагаться, какъ дома, а она какъ взглянетъ— и ничего не сказала»...

Ну, тутъ немного у меня пожилъ, а тамъ къ зачаулинцамъ перешелъ; «они, говоритъ, всѣ обиженные, мнѣ у нихъ и мѣсто, да и никто меня тамъ и не увидитъ»... Однако, пойдемте, нечего тутъ больше и смотрѣть! рыбу удятъ и все тутъ! Вечеромъ лучше придемъ!

— Нѣтъ, побудемъ здѣсь!..

— Ну, такъ вы побудьте, а я пойду къ лошадямъ, не убѣжали-бы!.. Смотрите, будьте осторожнѣе; чуть что—кликнете меня!..

Въ эту минуту нѣсколько фигуръ показалось на берегу; на одномъ было драное одѣяло, на другомъ—полушубокъ, на третьемъ... Третій былъ знакомый читателю философъ въ женскомъ капотѣ. Люди эти несли удочки и, усѣвшись подъ деревомъ, закинули ихъ. Философъ сѣлъ въ сторонкѣ. Я выступилъ впередъ и, протянувъ ему руку, смѣло воскликнулъ:—Здравствуйте, товарищъ! Какъ вы меня забыли!—Капотъ поднялъ на меня испуганные, жалкіе глаза и молчалъ.

— Стыдно, стыдно! Забыли актера Синичкина, а вѣдь вмѣстѣ путешествіе въ Нижній на ярмарку ломали!.. А тогда еще съ нами Глафира Ивановна Осипова была! Чудная актриса!—вралъ я ему, узнавъ отъ сторожа его жизнь. Онъ начиналъ просыпаться. Тусклые глаза начали осмысленно разглядывать меня, потомъ вдругъ онъ спохватился, неловко запахнулъ полы своего капота, поглядѣлъ на меня такъ, точно въ чемъ-то прослылъ прощенія, и робко такъ протянулъ дрожащую руку. Я пожалъ ее, онъ приподнялъ шляпу, и я опять увидѣлъ бритую голову. Онъ смертельно покраснѣлъ, замѣтивъ мой взглядъ, и пробормоталъ:

— Послѣ болѣзни! Обрили!.. Онъ сѣлъ; я присѣлъ рядомъ. Никто изъ остальныхъ рыбаковъ не удивился, не испугался, а просто и даже любезно поглядѣли на меня. Мой капотъ опять задумался и, видно, позабылъ меня. Лицо его опять стало такое-же блѣдное, и глаза такъ-же дико глядѣли на воду, а потомъ на меня и въ то-же время, какъ будто, мимо меня... Чтобы вывести его изъ задумчивости, я спросилъ его:

— А гдѣ-же она?

— Она? Ее закопали живую!

— Что? Глафиру Ивановну закопали живую!

— Ахъ, нѣтъ! Она живетъ тамъ въ Ташкентѣ! Это—Марью Александровну закопали живую! У меня есть...

— Что?

— Сокровище! Я вамъ его покажу!.. Да, вотъ видите, рыбу ловлю!..

— Здѣсь мало рыбы!..

— Да, тутъ мелкая рыба, это для насъ на уху къ вечеру, а настоящіе рыболовы изъ нашихъ уходятъ ловить на валахъ. Только та рыба идетъ на продажу; а я ни къ чему не гожусь, ни къ чему... Въ городъ на промыселъ ходить не могу!—Онъ горько усмѣхнулся. — Не практиченъ я! До сихъ поръ поддерживали друзья, даже какъ-то на службѣ терпѣли, придумали мнѣ должность декоратора въ кружкѣ любителей, терпѣли... До болѣзни, но болѣзнь окончательно.... вотъ только рыбу ловлю!..

И вдругъ онъ добавилъ ни съ того, ни съ сего:

— А, вѣдь, я никогда не умру!..

— Вотъ какъ?..

— Потому что не вѣрю въ смерть! Отчего умираютъ? — Оттого, что имъ внушаютъ съ пеленокъ, что есть смерть, что можно умереть! Вотъ Адамъ и Ева были безсмертны, и жили-бы, конечно, вѣчно, а почему?—Потому что они еще никогда не видали смерти и не знали о ней! Богъ имъ внушилъ, что они смертью умрутъ, и они стали мни-

тельными, почувствовали болѣзни, постарѣли и умерли!.. Да! такъ вотъ точно и Каинъ! Онъ и не думалъ убивать Авеля, онъ даже и мысли-то такой не могъ имѣть, потому что и представленія не имѣлъ о смерти. Онъ просто стукнулъ Авеля по головѣ дубиной, не думая, что онъ отъ этого умретъ. Родители его были живы, и онъ не видалъ ни одной еще смерти, ни одного покойника! Откуда-же у него могло явиться представленіе, что отъ удара Авель умретъ? Онъ просто стукнулъ и, не глядя на Авеля, ушелъ. Онъ, можетъ быть, не зналъ, что тотъ упалъ и не встаетъ... Когда-же Богъ объяснилъ ему, что онъ сдѣлалъ: убилъ брата, что братъ больше никогда не встанетъ, то Каинъ испыталъ смертельный ужасъ! Мысль о томъ, что Авель снова обратится въ глину, такъ потрясла его, что онъ бѣжалъ, бѣжалъ, куда глаза глядятъ... Онъ страдалъ, онъ мучился, даже на лицѣ его отразились эти страданія ужаса и раскаянія... Вы вотъ только попробуйте сказать себѣ, что вы никогда не будете больны и не умрете, и вы увидите...

Я молча глядѣлъ на него, я не смѣлъ его прервать, но былъ пораженъ этими странными идеями и дикимъ вдохновеніемъ его лица. Вдругъ онъ уставился мнѣ въ глаза и отрывисто спросилъ:

— Вы здѣсь зачѣмъ?—Я смѣшался, не понялъ; но онъ продолжалъ:—Меня привезъ въ Ташкентъ антрепренеръ, привезъ и бросилъ. Впрочемъ, онъ и самъ бѣжалъ со своей женой отъ стыда и долговъ... Какъ онъ только добрался до Россіи этимъ страшнымъ длиннымъ путемъ? Тогда вѣдь не было желѣзной дороги... Насъ осталось нѣсколько человѣкъ актрисъ и актеровъ. Куда дѣться? Насъ и разобрали по рукамъ богатыя семьи на потѣху; безъ насъ ни одинъ кутежъ не обошелся... Кое-кто повыбрался, кто перемерли, остались вотъ только я да Глафира Ивановна... Я жилъ у Марьи Александровны. Ну, что за милая была женщина: она тоже не вѣрила въ смерть. О, ее зарыли живую! Я вчера вечеромъ былъ на ея могилѣ... Да! а Глафира Ивановна славная старуха. Теперь играетъ съ любителями, прекрасная комическая старуха изъ нея вышла! Успѣхъ имѣетъ! А помните ее въ Нижнемъ, какъ купцы по ней съ ума сходили... Я любилъ съ ней играть: роль всегда на зубокъ, находчива! Да, все проходитъ, все прекращается, все исчезаетъ... Разъ — помню... Только вотъ васъ не помню...

— А еще кто остался?—Онъ провелъ рукой по лбу и, видимо, съ трудомъ припоминалъ:—Да, кажется, всѣ!.. Нѣтъ, постойте! Молодой актеръ Боярскій! Онъ бросилъ все, открылъ лавочку, сидитъ за прилавкомъ, иногда угощаетъ меня, растолстѣлъ! Вы его знали? Еще одинъ на роли благородныхъ отцовъ, Горевъ—путешествуетъ по городамъ, изображаетъ «Записки Сумасшедшаго» въ лицахъ. Актрисъ поразвезли по городамъ... У меня силъ не было выѣхать: она удерживала; а послѣ, когда ее зарыли, я не могъ покинуть это мѣсто!.. Убираю и украшаю ея могилу; вѣдь всѣ эти господа, которые когда-то съ нею веселились, теперь не вспомнятъ о ея могилѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не умру!.. Лѣтомъ прежде я игралъ на открытой сценѣ въ лѣтнемъ увеселительномъ саду; позорная труппа, но я больше куплеты пѣлъ; ну, а теперь эта глупая болѣзнь!..

— А сокровище покажете?! выпалилъ я, чтобы поймать его врасплохъ. Онъ какъ-то передернулся, потомъ хитро усмѣхнулся и съ удивительной готовностью отвѣтилъ:

— Идемте!

Онъ быстро зашагалъ къ печи, нагнулся и пролѣзъ куда-то. Изъ отверстія глухо раздался его голосъ:

— Идите! Что-же вы стоите!

Я-было струхнулъ, однако, полѣзъ за нимъ и очутился въ сводчатой норѣ изъ кирпича, на полу лежалъ сухой клеверъ и больше ничего. Ни разогнуться, ни сѣсть, и только скорчившись въ три погибели можно было помѣститься...

Онъ разрылъ въ углу сѣно и досталъ свертокъ бумаги.

— Это мое сокровище!

Онъ хитрилъ: я видѣлъ по лицу...

— Это мой сонъ! Нѣтъ, собственно, не сонъ, а бредъ—исторія моей болѣзни!

— Это и есть сокровище?

— Ну, да! Я прячу это ото всѣхъ, а вамъ прочту! Хотя я видѣлъ, что онъ хитритъ, что не это его сокровище, но все-же поощрилъ его:

— Ахъ, какъ любопытно! Онъ подозрительно покосился на меня, снова сунулъ руку подъ сѣно и приготовился спрятать рукопись назадъ.

— Что-же вы?

— Нѣтъ! не покажу вамъ! Вы смѣетесь!

— Я? Никогда! Честное слово! Да и что-же тутъ смѣшного; можно удивляться, жалѣть!..

— Жалѣть? Ахъ, пожалѣйте меня! Они всѣ смѣются надо мной... Приходите вечеромъ, они соберутся всѣ, вы увидите... Вотъ-бы ихъ на сцену, было-бы чему подивиться!..

— А что-же сокровище!—Онъ вздрогнулъ, глянулъ въ уголъ, на рукопись... снова въ уголъ... Онъ колебался, потомъ опять сталъ хитрить: отказывался читать сонъ, будто-бы не рѣшался открыть мнѣ свое сокровище, наконецъ, убѣдился, что я вѣрю ему и другого сокровища не подозрѣваю.

Онъ усѣлся или, вѣрнѣе, улегся поудобнѣе, и, глядя куда-то вдаль, онъ тихо, точно во снѣ, прошепталъ:

— Да, это былъ ужасный бредъ... Всю болѣзнь онъ преслѣдовалъ меня и все одинъ и тотъ-же!.. Я удивляюсь, какъ не лопнула моя голова! Казнь, казнь!.. И знаете, этотъ бредъ матеріализировался—такъ сказать, воплотился и слѣдитъ за мною! О! я счастливъ, что записалъ! Теперь онъ мой, мой, пока эта тетрадь существуетъ! Блаженство избавиться отъ него и держать его въ рукахъ! Да, держать его въ рукахъ! вотъ такъ! — Онъ потрясъ тетрадью въ воздухѣ.

— Ну, читайте! Вѣдь мы друзья?

— Друзья! друзья! друзья! Да, друзья! Долго друзья, долго меня жалѣли и терпѣли у себя... Они въ память ея, они знали, что я изъ-за нея погибъ! И не жалѣю... Не то я говорю!.. Я безъ нея погибъ, да она меня жалѣла, а они... Въ послѣднее лѣто, когда я пѣлъ въ саду куплеты, мнѣ пришла фантазія устроить свой бенефисъ.. У хозяина сынишка былъ—Сеня! Я его такъ любилъ! Что это былъ за мальчикъ! — Геній!.. О! я боюсь, боюсь этого сна... но и онъ боится, когда я читаю его! Мое торжество и его униженіе, торжество моей власти!.. Слушайте... — Былъ мой бенефисъ. Пьесу никто не разучилъ—ея любимая!—и я самъ въ томъ числѣ, а названіе самое заманчивое! Было это въ праздникъ. За куплеты меня любили, публики набралось много, въ буфетѣ кредитъ безъ конца. Я все выйду, выпью рюмку коньяку и кусокъ лимону! Черезъ пять минутъ снова. Бенефиціантъ все равно, что именинникъ, каждый угощаетъ... Выпивалъ я, выпивалъ; наконецъ, почувствовалъ какую-то неловкость въ мозгу, не то жаръ, не то тяжесть... Выхожу на сцену, а суфлеръ книгу уронилъ, сидимъ мы съ актрисой и не знаемъ, о чемъ говорить.

Давай я ей разсказывать что-то, а самъ еле языкомъ ворочаю!.. И вдругъ вижу... изъ стѣны выступаетъ еще актриса, а за ней Сеня!.. Я замолкъ на полусловѣ. Стоятъ, смотрятъ на меня... И вдругъ я вижу, я знаю, что ихъ приговорили къ смертной казни!.. Я сначала вылупилъ глаза, себѣ не вѣрю, а публика неумолима и ждетъ!.. Ужасъ, сердце леденѣетъ! Милый мальчикъ стоитъ предо мной такой маленькій и его казнить!.. Я вскакиваю, говорю! Я прошу, стараюсь тронуть ихъ сердце и встрѣчаю лишь изумленіе на лицахъ! — «Господа! это гадко! гадко до невозможности! Казнь семилѣтняго ребенка! Какое право вы,—такіе-же люди, созданные изъ такой-же плоти, въ силу того-же закона природы,—вы рѣшаетесь отнимать жизнь у своего брата!..» Я рвусь на части... Но они безъ сердца, они съ любопытствомъ слушаютъ и переглядываются... «Ну, на какомъ основаніи, кто далъ вамъ нравственное право—право сильнаго?..Сжальтесь! Я игралъ съ нимъ въ камушки, онъ любитъ меня, онъ часто жалѣлъ меня...» Я опускаюсь на колѣна, я молюсь, я стискиваю руками горячую голову, а слезы льются изъ глазъ ручьями...—«Господа! онъ не жилъ, онъ такъ молодъ, всего семь лѣтъ! Смотрите, онъ даже не понимаетъ вашего приговора, онъ смѣется!» Въ публикѣ какой-то ропотъ; суфлеръ шепчетъ: «уходите!», кто-то тянетъ за рукавъ, я говорю:—«Сжальтесь, сжаль...»—но тутъ я чувствую, что желѣзный винтъ ввинчиваютъ мнѣ въ темя! Я вскрикиваю...—Изъ-за кулисъ бѣгутъ ко мнѣ актеры, публика встаетъ, галдитъ; они хотятъ взять Сеню, и я кричу во все горло: «бѣгите, бѣгите, пока не поздно!»— Всѣ вскакиваютъ, бѣгутъ вонъ, толкаются... меня тащатъ за руки; я не борюсь, я иду, я плачу такъ, что готовъ весь мозгъ выплакать, а проклятый винтъ давитъ, врѣзается, клонитъ голову куда-то внизъ, въ плечи... Вотъ площадь. Народу точно червей въ тарелкѣ—пестрота! Кто въ желтомъ, кто въ синемъ, а, главное, въ лиловомъ... Тошнитъ... глазамъ больно: особенно у одного сарта халатъ желтый красными змѣйками, и эти змѣйки впиваются мнѣ въ глаза, прокалываютъ ихъ, ползутъ въ мозгъ!.. Вотъ возвышеніе; на возвышеніи диванъ, на диванѣ сидятъ двѣ актрисы и посреди Сеня. Я гляжу ему въ лицо, и холодъ проходитъ по моему тѣлу... Что за улыбка! Блаженная какая-то, изступленная; онъ шевелитъ губами, я слышу.. О, я слышу—онъ говоритъ, болтаетъ весело! Что-то не дѣтское и невыразимое въ этой радости, что-то загадочное!.. Палачъ сартъ въ красной рубашкѣ... мнѣ опять страшно ломитъ глаза и лобъ... Палачъ вынимаетъ изъ мѣшка веревку, онъ хочетъ привязывать ихъ! Актрисы барахтаются, и вдругъ Сеня ласково такъ говоритъ палачу: «Не надо привязывать меня, я радъ!» У меня волосъ становится дыбомъ! Это не его голосъ—это голосъ какого-то идіота!—«Сеня!» кричу я. Онъ смотритъ на меня и радостно киваетъ головой...

Палачъ начинаетъ съ актрисъ, беретъ изъ-за пояса длинный, узкій ножъ. Опять боль въ глазахъ! Я вспоминаю тутъ, что сарты рѣжутъ не просто, а съ церемоніей... И правда, гляжу—палачъ взялъ актрису за косу и сталъ

пилить ея шею сзади понемногу и что-то приговариваетъ... Актриса стонетъ, молитъ дать хоть минуту еще подышать... Но онъ пилитъ, и ножъ скрипитъ о кости и выходитъ: жить, жить!.. жить, жить!..

Ахъ, мой винтъ, онъ тоже давитъ мнѣ черепъ, не даетъ забыть о немъ!.. Другая актриса со злобой рвется, и все это покрываетъ слабый дребезжащій голосокъ Сени:— «Меня, меня сначала!..» Палачъ переходитъ къ Сенѣ... Боже! Эта улыбка!—она раздираетъ мое сердце, наполняетъ меня ужасомъ... Дико! страшно!.. Сеня поправляется, чтобы палачу ловче было его рѣзать, на шеѣ у него что-то блеститъ, палачъ беретъ это въ руку и точитъ объ это блестящее «что-то» свой ножъ...

— «Зайчики, зайчики!» вскрикиваетъ радостно Сеня и хлопаетъ къ ладоши отъ восторга. — «Зайчики... зайч...» Палачъ упираетъ конецъ ножа ему въ темя, ножъ чуть-чуть погнулся, я замеръ...Трахъ!—голова треснула, какъ арбузъ во всю длину, и ножъ сразу вскочилъ въ трещину... Кровь густая медленно потекла по лицу...

Сеня умолкъ, закусилъ губу; выраженіе восторга точно на полотнѣ волшебнаго фонаря блѣднѣетъ и постепенно переходитъ въ озабоченное. Брови сморщены, улыбка напряженная; онъ весь какъ-то натужился и тянетъ голову назадъ, помогаетъ палачу... Ножъ туго рѣжетъ голову-арбузъ... Тѣльце Сени вздрагиваетъ и замираетъ съ тѣмъ-же напряженнымъ заботливымъ выраженіемъ въ лицѣ... Кровь льетъ волнами, и вездѣ кровь, красная кровь...»

Чтецъ вдругъ умолкъ. Жутко было! Эта нора, эта согнутая фигура съ пылающимъ дикимъ взглядомъ, этотъ странный сонъ или бредъ... Но вотъ понемногу вдохновеніе это утихло, голова опустилась, онъ снова поблѣднѣлъ, глаза потухли... Онъ глядѣлъ куда-то вдаль, видимо обо мнѣ позабывъ... Я пошевелился.

— Ахъ, это еще вы? Дайте денегъ!

Я протянулъ ему деньги; онъ съ жадностью схватилъ ихъ, быстро выкарабкался изъ печки и бросился бѣгомъ въ городъ, потомъ вдругъ обернулся и крикнулъ:

— Вечеромъ буду!..

Я возвратился къ моему сторожу, и онъ встрѣтилъ меня восклицаніемъ:

— Ну, ужь и пропали-же вы! Я ужь началъ бояться, не случилось-бы чего съ вами!..

— Что-же могло случиться?!

— Мало-ли? Вѣдь съ нихъ взятки гладки!..

— А знаешь, дѣдушка, мнѣ очень понравился этотъ, въ капотѣ...

— Въ капотѣ?.. Это умница, былъ благороднѣйшій человѣкъ и добрѣйшій! Даромъ, что актеръ, а у всякаго былъ принятъ! Придетъ, все общество оживитъ и разскажетъ, и разсмѣшитъ, и споетъ... Только вотъ клонило его къ этой Марьѣ Александровнѣ; для нея и въ компанію эту затесался, а манеры, знаете сами, благородныя, ну, и по-французскому... Вѣдь онъ сирота... и для игрушки у графа одного въ Питерѣ воспитывался: у нихъ дѣтей не было, а мальчикъ былъ способный, хорошенькій...

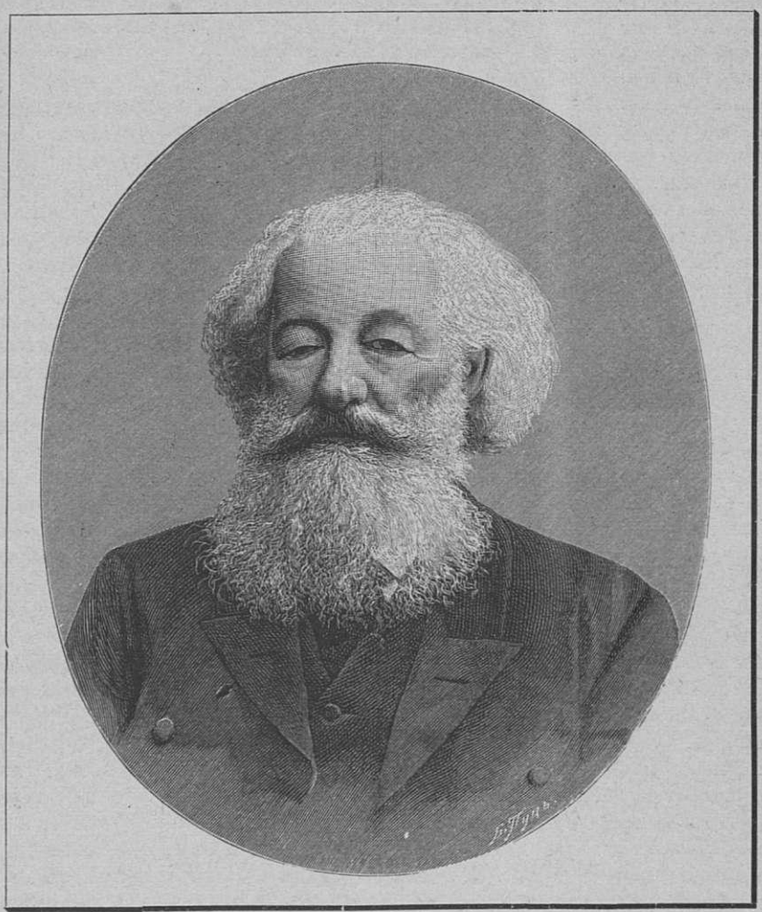
(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Странности великихъ математиковъ. «Разсѣянъ, какъ математикъ», это чуть не поговорка. Ньютонъ первый подалъ къ ней поводъ. Желая не прерывать своей работы, онъ, однажды, сталъ самъ для себя варить яйцо на завтракъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ, что держитъ яйцо въ рукѣ, а въ кастрюлѣ варятся его дорогіе карманные часы. Онъ-же пріучилъ кошекъ помѣщаться въ его рабочемъ кабинетѣ во время его долгихъ вычисленій. Старые коты довольно терпѣливо ожидали у дверей, когда ихъ выпустятъ на свободу, за то котята поднимали невыносимое мяуканье, тогда ученый приказалъ сдѣлать маленькое отверстіе, чтобы котята могли уходить. Но тогда подняли бунтъ и большія кошки; ученый велѣлъ сдѣлать второе, но уже большое отверстіе *рядомъ* съ маленькимъ. Ампэръ, отправляясь какъ-то въ гости, нашелъ на дорогѣ поразившій его своею формою камень. Онъ его поднялъ и сталъ разсматривать. Однако, ему вспомнилось, что ему нужно торопиться. Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, швырнулъ ихъ черезъ мостъ въ Сену, спряталъ камень въ карманъ и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ своей дорогой. Каждый разъ, доказывая какія-нибудь вычисленія въ политехнической школѣ, онъ вытиралъ доску своимъ носовымъ платкомъ, сморкался въ тряпку, предназначенную для вытиранія доски, и пряталъ ее въ карманъ. Дѣлая на улицѣ мысленныя вычисленія, онъ обрадовался, увидавъ передъ собою черную спинку фіакра, вытащилъ изъ кармана мѣлъ и началъ писать цифры на фіакрѣ. Фіакръ въ это время двинулся съ мѣста и ученый побѣжалъ за нимъ по улицамъ Парижа, продолжая писать. Лучше всего одинъ анекдотъ изъ жизни подобныхъ забывчивыхъ ученыхъ: одинъ геометръ, собираясь жениться, записалъ въ свою книжку для памяти: «при проѣздѣ черезъ Туръ не забыть обвѣнчаться». Впрочемъ, эти чудаки имѣли свои особенные взгляды на женитьбу. Когда знаменитый д'Аламберъ упрекнулъ не менѣе знаменитаго Лагранжа за то, что тотъ не написалъ ему о своей женитьбѣ, послѣдній отвѣтилъ: «Это такое безразличное явленіе, что о немъ не стоило и упоминать».

Офенбаховская оперетка въ дѣйствительной жизни. Всѣ андалузскія газеты заняты скандаломъ, происшедшимъ въ Севильѣ между англичанкой миссъ Бессонъ и ея мужемъ, мистеромъ Фонтенъ. Супруги Фонтенъ имѣли въ Лондонѣ большое музыкальное заведеніе и отдѣленія въ Парижѣ, Нью-Іоркѣ и Петероургѣ. Миссъ Бессонъ, заручившись отъ супруга довѣренностью, продала всѣ эти заведенія, очистила кассу и въ одинъ прекрасный день внезапно исчезла изъ Лондона, захвативъ съ собой весьма солидный кушъ денегъ. Супругъ спохватился хотя и поздно; повѣривъ кассовыя книги, онъ увидалъ, что его жена похитила 175,000 лиръ, о чемъ и подалъ заявленіе въ полицію. Вскорѣ обворованнаго ожидало еще большее горе. Оказалось, что миссъ Бессонъ продала всѣ музыкальныя заведенія мужа анонимному обществу за 2.775.000 лиръ. Захвативъ съ собой всѣ эти капиталы, миссъ Бессонъ въ сопровожденіи одного молодого испанца и своей 15-тилѣтней дочери исчезла изъ Лондона неизвѣстно куда, оставивъ своего супруга нищимъ, безъ жены, безъ дочери и безъ всякихъ средствъ. Скандальная хроника утверждаетъ, будто испанецъ, величающій себя маркизомъ де-Мачіасъ, романсировалъ и съ матерью и съ дочерью. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ мистеру Фонтену не трудно было заручиться отъ лондонскихъ властей бумагой, уполномочивающей его преслѣдовать и поймать воровку. Заручившись этимъ документомъ, Фонтенъ отправился въ путь. Вотъ тутъ-то и начались его приключенія, передъ которыми блѣднѣютъ даже приключенія Жиль Бласа. Мистеръ Фонтенъ искрестилъ половину Франціи, всю Португалію, часть Испаніи. Во время путешествія онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ массу препятствій. То его принимали за маніака, то за прусскаго шпіона, то за самозванца, бѣглаго преступника и т. д. Документы, предъявляемые имъ повсюду, внушали подозрѣніе: никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы мужъ по отношенію своей жены исполнялъ должность полицейскаго сыщика, поэтому мистера Фонтена не рѣдко арестовывали, наводили справки; между тѣмъ драгоцѣнное время проходило, и злосчастный мужъ, вырвавшись на свободу, терялъ слѣды обворовавшей его бѣглянки и часто, какъ Офенбаховскіе жандармы, находилъ гнѣздо теплымъ, откуда птица уже вылетѣла. Наконецъ, въ Севильѣ Фонтену удалось найти свою жену, онъ съ ней встрѣтился въ то время, когда она выходила изъ отеля, гдѣ жила. Энергичная дама, увидавъ мужа, не растерялась, она бросилась на него съ криками, начала колотить и во все горло закричала: «караулъ!» Полиція и народъ, конечно, бросились на этотъ крикъ. Фонтена арестовали, но вскорѣ все разъяснилось и его выпустили на свободу. Изъ полиціи полетѣла телеграмма въ Лондонъ, откуда не замедлилъ пріѣхать инспекторъ полиціи: мистриссъ Бессонъ повезли въ Англію, а ея дочь временно помѣстили въ монастырь. Къ сожалѣнію, журналы ничего не говорятъ о судьбѣ quasi-маркиза де-Мачіасъ, что съ нимъ сталось — неизвѣстно.

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.



Профессоръ А. Н. Бекетовъ.

Годъ изданія 60-й. № 51 17-го декабря 1895 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библіотека“, выходящія въ форматѣ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполнѣ замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Изъ прошлаго столѣтія. Рис. профессоръ Н. Дмитріевъ-Оренбургскій.

для другихъ звѣрей. Лай собакъ, ржаніе коней, говоръ, смѣхъ оглашали тихую поляну.

Уѣзжая, Карлъ обернулся и увидѣлъ сцену, заставившую его улыбнуться... Вдали отъ всѣхъ ѣхали два всадника. Одинъ былъ сенешаль Аудульфъ, низенькій мужчина, просто одѣтый, съ блѣднымъ лицомъ, степенными движеніями, сгорбленный отъ занятій и чтенія. Онъ внимательно слушалъ жадно что-то толковавшаго ему еврея Исаака. Исаакъ держалъ какую-то длинную рѣчь, убѣдительно жестикулируя. Карлъ еще разъ улыбнулся.

Застучали о корни копыта лошадей. Опять завыли рога, и скоро шумная охота скрылась въ чащѣ Арденнскаго лѣса.

II.

Прошло три-четыре дня... Большой открытый дворъ аахенскаго дворца, любимаго, построеннаго и украшеннаго императоромъ, кипѣлъ разнозычною, разнохарактерною толпою. Тутъ были и англосаксонскіе рыжіе, толстые монахи въ одеждѣ св. Бенедикта, и шотландскіе, мрачные, грубые, но твердые и пламенные обитатели горныхъ монастырей... Проходили, въ бѣлой изящной одеждѣ, болѣе образованные франкскіе епископы со свитою діаконовъ и привратниковъ. Кое-гдѣ бѣлѣлъ тюрбанъ и сверкали глаза гордаго сарацина изъ Испаніи; знатные саксы, въ длинныхъ полотняныхъ одеждахъ, сторонились отъ лонгобардскихъ графовъ въ короткихъ пурпурныхъ плащахъ съ павлиньими перьями. Аварскіе вельможи съ заплетенными чубами, дико оглядывались на шумную толпу. Вся эта пестрая масса народа волновалась и тревожилась... Во дворцѣ было собраніе, созванное неизвѣстно для чего императоромъ.

Толпа раздалась... Черезъ нее гордо прошелъ высокій, красивый, надменный вельможа въ духовномъ одѣяніи. То былъ остготъ Теодульфъ, епископъ орлеанскій, любимецъ Карла Великаго, одинъ изъ участниковъ придворнаго кружка друзей науки и искусства, учрежденнаго императоромъ.

Теодульфъ поспѣшно вошелъ въ большой покой дворца, гдѣ уже открылось засѣданіе епископовъ, ученыхъ, любимцевъ Карла. Самъ властелинъ сидѣлъ на большомъ креслѣ съ высокою рѣзною спинкой. Возлѣ него стоялъ Эрхамбальдъ, эрцканцлеръ, и держалъ наготовѣ доску для записыванія приказаній императора. Хлопотливый низенькій Эйнгардъ, тоже участникъ кружка, шепталися съ товарищами... Но ни лысый, курчавый оберъ-камергеръ Мегинфридъ, ни капеланъ Карла, архіепископъ кельнскій Гильдебальдъ, ни великій ученый Алкуинъ—не могли удовлетворить любопытства Эйнгарда: — никто не зналъ, зачѣмъ императоръ собралъ ихъ... Англъ изъ Нортумберланда, «отецъ наукъ и искусства», аббатъ турскаго монастыря св. Мартина, мундшенкъ Эпинъ, виночерпій кружка Гарбердъ — всѣ были нѣсколько встревожены. Лишь стоявшій за кресломъ Карла Исаакъ хитро улыбался, да сенешаль Аудульфъ, сидя поодаль, думалъ о чемъ-то пріятномъ, такъ какъ по его губамъ слегка змѣилась радостная усмѣшка. По стѣнамъ стояли длинныя деревянныя скамьи, покрытыя алымъ сукномъ. На нихъ сидѣли въ ожиданіи монахи и епископы. Тихій шепотъ едва нарушалъ тишину собранія.

Императоръ Карлъ, нахмуренное чело котораго выказывало неудовольствіе и гнѣвъ, оглядѣлъ орлинымъ взоромъ все собраніе и, убѣдившись, что всѣ на-лицо, сдѣлалъ жестъ рукою; все стихло...

— Я собралъ васъ, епископы, ученые, вельможи и воины, чтобы разсказать вамъ небольшую сказку, которую слышалъ вотъ этотъ стоящій за моимъ кресломъ еврей Исаакъ. Слушайте всѣ и потомъ скажите мнѣ ваше мнѣніе. У одного короля—далеко отсюда—былъ любимецъ сенешаль, искусившійся въ наукахъ и считавшій себя умнѣе всѣхъ, презиравшій и сотоварищей, и даже втайнѣ своего властелина за то, что они не довольствовались книжною, сухой мудростью, а заглядывали и въ сердце, и въ душу человѣка. Собиралъ этотъ вельможа разные амулеты, занимался волшебствомъ... Были у него чудодѣйственные травы, эликсиры, волшебные камни. И жилъ этотъ сенешаль въ какомъ-то мірѣ повѣрій, чудесъ, совсѣмъ не касаясь, совсѣмъ не зная жизни. Въ самой простой вещи онъ отыскивалъ тайный смыслъ; простой плодъ былъ для него не плодомъ, а какимъ-то талисманомъ, — словомъ — онъ считалъ себя одареннымъ высшимъ зрѣніемъ, умомъ... Тогда одинъ умный еврей захотѣлъ одурачить его, вернуть мудреца на землю... Онъ взялъ крота, простого, полуслѣпаго крота, зарѣзалъ, набальзамировалъ, окуталъ пергаментомъ съ таинственными знаками и, уложивъ въ старый ящичекъ изъ разрисованнаго краснаго дерева, отнесъ сенешалю. «Купи у меня—сказалъ еврей—великій талисманъ восточныхъ маговъ: въ немъ таится чудная сила». Жажда чудесъ охватила сенешаля; онъ предложилъ еврею три фунта серебра, но тотъ съ притворнымъ негодованіемъ отвергъ такую дешевую плату. Десять и двадцать фунтовъ давалъ ослѣпленный безумецъ за негоднаго звѣрка. Но еврей воскликнулъ: «О, Господь Израиля и Авраама! За такое чудо—и всего двадцать фунтовъ! Нѣтъ, лучше я сожгу мое сокровище!» И... слушайте епископы, ученые, вельможи—сенешаль дошелъ до того, что отдалъ за бальзамированнаго крота мѣру серебра!.. Какъ нравится вамъ моя сказка, любимцы мои, сыновья мои, сподвижники мои?..

Голосъ Карла загремѣлъ какъ громъ. Онъ выпрямился и крикнулъ, мечя глазами молніи...

— И этотъ безумецъ здѣсь!.. Что ты думаешь, сенешаль Аудульфъ, о моей сказкѣ?!..

Неописанное волненіе охватило собраніе. Аудульфъ, то блѣднѣя отъ страха, то краснѣя отъ палящаго стыда, бросился на колѣни передъ Карломъ...

— Встань, безумецъ! Встань, ложный мудрецъ! О, поборники суевѣрія, волшебства, заклинаній, чудесъ — да послужитъ всѣмъ урокомъ эта сказка...

Нѣсколько успокоившись, Карлъ прибавилъ:

— Прощаю тебя, Аудульфъ. Но дай Исааку еще мѣру серебра за то, что онъ излечилъ тебя отъ суевѣрія!..

В. Лебедевъ.

ПРИМИРЕНІЕ.

Молчи,—ни мести, ни укора!
Тоска, огонь больного взора
И блѣдность мертвая ланитъ
Больнѣй мнѣ всякаго позора.
Во мнѣ раскаянье кипитъ...
Въ чаду любви, въ чаду тумана
Я сталъ добычею обмана,
Скрѣпя любовь, отвергъ тебя,
Но сердце ѣла, ѣла рана,
И—я не могъ сдержать себя...
И вотъ опять мы вмѣстѣ оба,
Дитя мое, до двери гроба...
Прости меня, прости и вѣрь,
Что не разлучитъ насъ теперь
Враговъ завистливая злоба!

Н. Боровскій.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни **В. Губаревичъ.**

(Окончаніе).

Нарядили его въ батистъ, отдали въ корпусъ... Самъ графъ его и жить училъ, возилъ его, спаивалъ... Мальчишки изъ корпуса въ особую квартиру собирались для кутежей... Тутъ графиня заграницу съѣздила, и у графа свои дѣти пошли.. Не до пріемыша стало!.. Онъ, на зло, давай больше кутить... Ну, конечно, къ кому ни придетъ именемъ графа.. и всякій вѣритъ... Графу надоѣло платить по счетамъ; призвалъ его и говоритъ ему: «Я тебя высылаю въ имѣнье, учись хозяйничать; будешь моимъ управляющимъ!» Тотъ пожилъ въ деревнѣ, да снова, было, явился въ городъ; къ нему вышла графиня и говоритъ: «Такъ какъ вы насъ ослушались, то мы съ этого дня вамъ не родные и знать васъ не хотимъ...» Ну, что было дѣлать? Надоумѣло его въ актеры, вотъ и приплелся сюда съ труппой...

— А почему-же это онъ Марью Александровну такъ полюбилъ?

— Одна судьба: его люди погубили и ее тоже! Вы думаете, она веселилась — такъ и счастлива была? Иной разъ позоветъ меня,—разскажи ей про деревню,—и сама про свою молодость, про свой хуторъ разсказывать начнетъ и плачетъ...

Мы оба замолчали... Но меня тревожила странная мысль, припоминалъ я слова капота о Каинѣ, и какія-то неясныя подозрѣнія начинали копошиться въ моемъ умѣ: ужь не философъ-ли былъ виновенъ въ ея смерти?.. Я проводилъ старика до избушки. Тутъ мы наткнулись на тройку почтовыхъ лошадей. Передъ нею стоялъ молодой человѣкъ Демьянкинъ, ловецъ проѣзжающихъ. Онъ что-то разсказывалъ, указывалъ на поле. Въ тарантасѣ сидѣли двое проѣзжихъ. Увидя насъ, онъ быстро вскочилъ на переднее сидѣнье къ кучеру, и тройка двинулась дальше. За нею поѣхалъ и я.

Вскорѣ показался и городъ. Какъ-то нехотя смотрѣлъ я кругомъ. Всѣ эти сады, фруктовыя деревья, вся эта роскошь природы производила на меня въ эту минуту досадливое впечатлѣніе, потому что куплено все это было кровью и душой столькихъ людей! Подъ только-что пережитыми впечатлѣніями непріятно было смотрѣть на этотъ городъ, съ его бѣленькими чистенькими домами, свидѣтелями всѣхъ этихъ драмъ.

Двери въ кабачекъ были отперты настежъ. Въ углу двѣ фигуры сидѣли за столомъ: одна — пожилой бородатый человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, видно, упомянутый ранѣе рабочій изъ типографіи, а передъ нимъ человѣкъ въ шинели—«капитанъ», что обхаживаетъ бѣднаго рабочаго. Завидѣвъ меня, «капитанъ» толкнулъ локтемъ сосѣда и пошелъ къ двери. Это былъ противный, низенькій человѣкъ. Лицо красное, вѣки заплывшія; мутные глаза слезились; носъ синій, грушей... Порыжѣлая военная шинель едва прикрывала его тѣло; на ногахъ болтались калоши, на головѣ—шапка съ кокардой. Приложивъ дрожащую руку къ козырьку, онъ хрипло, торопливо выкрики валъ, труся за лошадью.

— Штабсъ-капитанъ Головкинъ — рубака русской арміи, проситъ у васъ на пищу! Я отвѣчаю, онъ забѣгаетъ съ другой стороны.

— Былъ раненъ въ ногу!—Онъ откидываетъ шинель, показываетъ шрамъ.—Позвольте на пищу; не ѣлъ два дня, къ службѣ неспособенъ!

Опъ суетъ мнѣ въ руку формуляръ, Боже! Пятнадцать лѣтъ непорочной службы, и чего еще нѣтъ!

— Ташкентъ бралъ! Изъ первыхъ на стѣны лѣзъ! Своею кровью врага затопили, а теперь!..

Я кинулъ ему монету; онъ на лету поймалъ ее и торжествующей, легкой походкой подбѣжалъ къ дверямъ кабака.

Вотъ и базаръ. Всегда кипитъ онъ народомъ: сарты, русскіе, жиды толкутся тутъ цѣлый день—но что это за гамъ и хохотъ и крики тамъ въ углу? — Кого-то окружила толпа?—Подъѣхалъ:—мой новый другъ въ капотѣ, философъ, откалываетъ бѣшеный танецъ. Приличные всегда сарты сидятъ полукругомъ на площадкѣ и конфузливо переглядываются... Они сдержанно хихикаютъ, а тѣ, что помоложе, забѣгаютъ передъ лицо философа, показываютъ ему языки и толкаютъ въ бокъ другихъ, которые съ притворнымъ почтеніемъ поощряютъ «господина». Капотъ такъ и развѣвается, шляпа на землѣ; бритая голова безпомощно качается на плечахъ...

IV.

Снова вечеръ, снова чудная картина! Тишина... Теплый вѣтеръ колеблетъ воздухъ Прозрачныя сумерки спускаются надъ степью. Кругомъ ровное, сѣрое, необъятное пространство степи сходится съ синимъ еще болѣе необъятнымъ сводомъ небеснымъ, окружаетъ тебя гигантскимъ заколдованнымъ кольцомъ. Чувствуеешь себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ...

Вотъ совсѣмъ стемнѣло... Небо засверкало, засвѣтилось искрами безчисленныхъ звѣздъ. Глядишь туда въ даль, и грустно, и въ тоже время какъ-то хорошо... Вонъ тамъ, налѣво, эти черныя горы утонули вершинами въ туманѣ облаковъ...

Вотъ огонекъ сверкнулъ на берегу, растетъ-разгорается... Вотъ вспыхиваетъ большимъ пламенемъ костра; искры съ трескомъ летятъ въ темноту, осыпая суетящіяся фигуры у костра.

Вотъ одинъ поджигаетъ костеръ; это мой другъ въ капотѣ! А вонъ другой складываетъ рыбу въ кипящую надъ костромъ въ котлѣ воду... Одинъ убираетъ удочки. Они нетерпѣливо поглядываютъ на дорогу и прислушиваются.

— А что, господа, вѣдь сегодня рыжій приведетъ къ намъ новаго рыболова, такъ, пожалуй, теперь завтра не придется удить? Я думаю и удочки прибрать!

Кто-то изъ изъ зачаулинцевъ помѣшалъ ложкой въ котелкѣ и отвѣдалъ. — А знатная уха! И что это ихъ черти не несутъ, хлѣба теперь-бы, да рюмочку...

Всѣ кого-то ждали; размѣстившись вокругъ котелка, они прислушивались къ тишинѣ и перебрасывались незначительными замѣчаніями.

Вотъ со стороны степи подошелъ маленькій человѣчекъ, толстый, въ сартовскомъ халатѣ и военной фуражкѣ; это былъ «докторъ». Его сразу обступили.

— Что, продалъ рыбу?

— Продалъ.

— Всю?

— Всю!.. То-есть, ту, что мы вчера наловили...

— Ужь — *мы!*.. Ты-то много наловилъ!..

— Да? А кто изъ васъ можетъ еще протрезвиться на сутки, сторговаться, продать и деньги товарищамъ принести? Кто? — Никто!

— За сколько?

— За два рубля тридцать пять копѣекъ!

— Ну, что купилъ? Вытрясай карманы!..

— Ну, глядите! — Водки, хлѣба, соли, табаку, спичекъ.

— Молодчина, все самое наинужнѣйшее...

Всѣ бросились разсматривать покупки, а пришлецъ бухнулся у костра и съ жадностью потянулъ въ себя запахъ горячаго кушанья...

Къ группѣ постепенно подходили одинъ за другимъ отсутствовавшіе члены и приносили свою добычу. Вторымъ пришелъ юный мальчикъ, блѣдный, испитой, съ тупымъ взглядомъ. Онъ пошатывался.

— Пьянъ, пьянъ! завопили всѣ въ одинъ голосъ.—Кто тебя напоилъ?!

— Врете, черти! огрызнулся мальчикъ. — Усталъ! — Онъ молча пошвырялъ въ общую кучу разные свертки и, совершенно обезсилѣвъ, отошелъ въ сторону, сѣлъ и какъ уставился глазами въ огонь, такъ и сидѣлъ, не двигаясь. Его добычу тоже разложили возлѣ припасовъ доктора, изъ мѣшка доставали вещь за вещью, громко и радостно выкрикивая: «Восьмушка чаю! Фунтъ сахару! Три деревянныя ложки! Кусокъ колбасы! Кусокъ мыла! Бутылка пива!..» «Ай, да молодчина сколько приволокъ!» — Чуть не попался, равнодушно проговорилъ мальчикъ, не двигаясь съ мѣста, — едва утекъ... А стараго музыканта на базарчикѣ,—что у госпиталя — вздули: стянулъ кусокъ баранины у кухарки изъ корзины. Не знаю, дотащится-ли сюда!..

Къ костру постепенно подходили, одинъ за другимъ, разные люди въ куцавейкахъ, въ блузахъ и въ халатахъ, босые и въ опоркахъ, во всевозможныхъ фуражкахъ, шляпахъ, тюбетейкахъ, и одинъ даже въ цилиндрѣ; всѣ приносили добычу. Вотъ показался высокій, худой, очень пожилой человѣкъ въ кителѣ и босой, перекинувъ черезъ плечо палку съ мѣшкомъ; онъ бросилъ его на полъ... Всѣ обрадовались весельчаку.—Ухъ, усталъ! Весь городъ исколесилъ сегодня! Важно насбиралъ, полонъ мѣшокъ, едва доперъ!.. Эхъ, кто меня любитъ, кто обожаетъ— душа Катенька! — затянулъ онъ басомъ и, насыпавъ бумагу махоркой, закурилъ...

— Послушай, братъ, ты не встрѣчалъ стараго музыканта? Его побили, гдѣ онъ?

— Плететея! Живучъ какъ кошка... Далеко еще, вонъ онъ тамъ мнѣ въ мѣшокъ сложилъ фунтъ свѣчей, да жестяной кофейникъ. Еще, хорошо, сарты не тащатъ его въ тюрьму:—не любятъ, сами расправляются! Ахъ, да—еще онъ мнѣ сунулъ тамъ катушку нитокъ! Изъ мѣшка были извлечены куски разнаго хлѣба, булокъ, печеній, бабъ, пироговъ, старые штиблеты, кусокъ жаренаго мяса и, наконецъ, при общемъ крикѣ восторга, жареная курица.

— Все это мнѣ дали, говорилъ китель,— а это я самъ взялъ!—и онъ показалъ хорошія стальныя ножницы.—Давно искалъ случая, безъ ножницъ, что безъ рукъ! Я еще вамъ разскажу, какъ я эту курицу досталъ...

Все было разложено, всѣ собрались и усѣлись кругомъ...

Ужинали всѣ съ жадностью... Дошли до курицы.

— Вотъ, слушайте, если хотите знать, это любопытно. Прихожу къ окну генерала Максимова, заглянулъ—думалъ стянуть съ трюмо канделябру; гляжу, столъ накрытъ, хрусталь, серебро — слюнки потекли... Видно, завтракъ парадный... Барышня, дочка его, бѣленькая, стоитъ у стола и смотритъ, все-ли въ порядкѣ. Я просунулъ за занавѣску голову. «Сударыня»! — Дѣвочка вздрогнула, хотѣла бѣжать—но я остановилъ ее. «Вы собираетесь курицу кушать, а я два дня и вовсе ничего не ѣлъ». Она вся вспыхнула, быстро схватила со стола курицу и сунула мнѣ въ мѣшокъ.

— И какъ это ты ее не слопалъ — эту курицу?!

— Ну, да такъ! Думаю, вмѣстѣ!

— Приказчикъ изъ москательной загулялъ,—теперь, господа, мой чередъ подпаивать...—заговорилъ «докторъ», но осѣкся: на него устремились изумленные, негодующіе глаза «учителя».

— Да, твой чередъ! Ну, Миша, не зѣвай...

— Эхъ, кабы мнѣ! проговорилъ весельчакъ.—Я бы его мигомъ. И въ прошлый разъ, когда онъ пилъ, будь около него я, а не «баринъ», пожалуй, и привезъ-бы!—Всѣ оглянулись на учителя, а «весельчакъ» продолжалъ:—Первое, надо побольше въ дружбу влѣзть; больное мѣсто узнать и колоть, да отчаянность или задоръ разбудить... Тогда покатитъ на рысяхъ; потомъ поскорѣе надо одежду пропить, тогда его стыдъ возьметъ. Онъ тутъ такъ и засядетъ въ кабакѣ, а тамъ съ остальными, какія у него уцѣлѣли, деньгами сюда тащить. Да, я еще все про курицу не досказалъ... Сунула она мнѣ курицу и отвернулась, а я раскланялся и безешку ей послалъ. «Ихъ данке-съ, фрейлейнъ!»

— Ха, ха, ха!.. Это онъ босыми-то ногами шаркаетъ!

— А что, господа, гдѣ это нашъ штабсъ-капитанъ?! Что-то не ѣдетъ и не приводитъ свою добычу; день ото-дня оттягиваетъ!

— Когда? Въ прошлую субботу тотъ мастеровой запилъ; ровно, значитъ, недѣлю. На третій день ихъ ужъ вмѣстѣ видѣли, обнявшись; рабочій уже готовъ: безъ сапогъ и въ одной рубашкѣ.

— Долженъ былъ еще вчера привести, а все нѣтъ!

— Ишь, понравилась ему очередь!

— Полно! Нашъ старикъ молодецъ. Онъ не продастъ друзей, онъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ!

— А вѣдь хорошая это «очередь». Поймай только подгулявшаго, да пристройся! А тутъ ужь гуляй въ волю!.. Пей, ѣшь, веселись! А тамъ тащи къ нашимъ.

— Въ коммуну, братъ, въ коммуну! Только жаль, рѣдко «очередь» выпадаетъ! Народъ сталъ дрянь, настоящаго разгула не знаетъ!

Я глядѣлъ на эту группу людей и не рѣшался выйти; хоть костюмъ я и перемѣнилъ,

хоть и выфрантился я въ пиджакъ квартирнаго хозяина, но все-же я трусилъ показаться изъ-за куста камыша. Но вотъ мой другъ въ капотѣ всталъ и хотѣлъ уходить; нечего было терять времени, я выступилъ въ полусвѣтъ...

— Кто это?—Недружелюбныя лица, удивленные взгляды встрѣтили меня. Я молчалъ. Мой другъ въ капотѣ поглядѣлъ на меня, сначала не узналъ, потомъ радостно просіялъ и кинулся ко мнѣ. Онъ съ жаромъ пожималъ мои руки и громко воскликнулъ, обращаясь къ своимъ:

— Друзья! рекомендую вамъ моего стараго знакомаго друга и товарища. Это тоже актеръ!

Лица мигомъ измѣнились, мы раскланялись. Они привѣтливо разступились и освободили мнѣ мѣсто у костра. Я сѣлъ, мой другъ рядомъ со мною; я досталъ кстати угощеніе: водку, колбасу, сыръ...

Всѣ съ жадностью ѣли и пили, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. Бутылка передавалась изъ рукъ въ руки, и каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ своей очереди. Изъ бутылки полагалось сдѣлать по четыре глотка и передать ее другому, и надо было видѣть, какъ слѣдилъ каждый, чтобы глотковъ не было больше четырехъ и въ то-же время, какъ пьющіе старались сдѣлать глотокъ побольше. Колбасу просто разорвали на части... Тяжелое впечатлѣніе производила вся эта толпа голодныхъ людей,—можетъ быть, когда-нибудь сидѣвшихъ въ избранномъ обществѣ за гастрономическимъ ужиномъ съ шампанскимъ!

Одинъ другъ мой не ѣлъ, да еще учитель...

— Что-же вы не кушаете?—спросилъ я перваго.

— Когда я взволнованъ, то ничего не могу ѣсть! Мнѣ надо рѣшить!.. Вонъ тѣнь отъ костра. Это луна... При лунѣ все лучше, красивѣе; и вотъ тутъ я не могу понять, что эта тѣнь говоритъ?.. востокъ... Тамерланъ, киргизскіе аулы?.. нѣтъ, нѣтъ, не то, все не то!.. Солнечная система? загадочное... великое нѣчто, мірозданіе?.. Да, нѣтъ-же, нѣтъ... Донъ-Жуанъ?.. любовь?.. Да, любовь!.. вотъ-вотъ поймалъ!.. Любовь! Тѣни и мысли бѣгутъ; трудно поймать, но я поймалъ! любовь!.. Сердце растетъ... растетъ, что-то къ горлу подступаетъ!—На глазахъ философа показались слезы. Никто не глядѣлъ на насъ; всѣ были заняты ѣдой, только учитель мрачно смотрѣлъ на огонь.

Вдругъ кто-то крикнулъ:—А что, господа, если-бы къ намъ теперь кого изъ нашихъ прежнихъ собутыльниковъ, хоть бы генерала Штернгерца?—Учитель поднялъ голову и сталъ жадно прислушиваться...

— Да ничего! послышались голоса.—Наплевать, кто ни приди!

— А что бы вы сдѣлали, еслибы кто изъ вашихъ родныхъ появился? спросилъ вдругъ учитель и голосъ его дрогнулъ.—Ну, хоть сынъ?..

— Я-бы?—отвѣтилъ философъ,—убѣжалъ-бы, какъ Каинъ, въ чужія земли!..

Всѣ какъ-то притихли.

— А тоска, тоска! Умеръ-бы, вотъ умеръ-бы, сгинулъ! воскликнулъ вдругъ учитель дрожащимъ голосомъ, всталъ и пошелъ; докторъ за нимъ; никто не остановилъ ихъ, не спросилъ, тутъ, видно, ко всему привыкли...

— Это наши меланхолики! Имъ сдѣлано, какъ и другимъ, глупое внушеніе о смерти, но этотъ учитель—это просто маньякъ смерти!—прошепталъ философъ. Въ эту минуту раздался стукъ колесъ, показалась арба, съ нея спрыгнулъ штабсъ-капитанъ, бравшій Ташкентъ, а за нимъ неловко спустился какой-то человѣкъ съ пьяной глупой рожей, въ одномъ бѣльѣ... Это былъ мастеровой, что сидѣлъ въ кабачкѣ! Штабсъ-капитанъ весело распоряжался. По его указаніямъ, изъ арбы вытащили четверть водки, ящикъ пива и еще что-то. Онъ вынулъ десять рублей и бросилъ въ толпу.

— Откуда это?

— Изъ хозяйской выручки!

— Ура! ура!—Всѣ кинулись къ пріѣзжимъ и подняли ихъ на воздухъ. Деньги собрали и отнесли учителю, который не успѣлъ еще далеко уйти.

— Учитель, учитель! Возьмите деньги, спрячьте!

Учитель остановился, онъ грустно глянулъ на догонявшихъ:

— Избавьте, избавьте меня! Я, можетъ быть, не вернусь сегодня назадъ!

— Ничего, ничего. Возьмите, спрячьте! Вѣдь когда деньги у васъ, мы спокойны... Пожалуйста...

— Хорошо. До завтра!—загадочно прошепталъ учитель.—Положу я ихъ за подкладку, карманъ продранъ!

Я обернулся къ «капоту», онъ улыбнулся мнѣ, и въ первый разъ дурное чувство зависти мелькнуло въ его лицѣ.

— Всегда такъ! Всѣ деньги ему на храненіе! Вѣдь терпѣть его не могутъ за честность, а деньги ему-же отдаютъ хранить... И, знаете, — чудо! — валяется гдѣ попало пьянъ, а приди, вынь деньги, посчитай—всѣ!

Изъ арбы достали карты.—Ура!—да здравствуетъ новичекъ, ура!—раздавалось въ воздухѣ.

Снова подхватили пріѣзжихъ и подбросили на воздухъ. Глупая рожа рабочаго выражала самодовольство, онъ ухмылялся.

— Ну, началось! проворчалъ философъ.— Надо уходить! Не люблю я этой ватаги... Не могу привыкнуть къ нимъ, не могу и не привыкну! Эта проклятая болѣзнь бросила меня сюда!..

Новичка тѣмъ временемъ обступили, назвали ему свои имена, усадили въ кружокъ у костра. Изъ четверти выливали водку въ бутылки, наконецъ, бутылки съ водкой пошли по рукамъ.—Говорили отрывисто, какъ и всѣ голодные, дорвавшіеся до ѣды.

Новичекъ вдругъ раскисъ и началъ хныкать:

— Вотъ все пропилъ! Было двѣ пары сапогъ—пропилъ!.. Пара штиблетъ...

— Эхъ, братъ, все это дрянь! Чушь, о которой не стоитъ и вспоминать! За то друзей пріобрѣлъ!—Выпьемъ, братъ!

Новые друзья выпили...

— Вотъ какъ по нашему!—воскликнулъ весельчакъ, подмигивая собранію, и такъ увлекательно воскликнулъ, что мнѣ вдругъ ужасно захотѣлось все спустить, и я даже конфузливо поглядѣлъ на свой пиджакъ, казавшійся мнѣ дома такой ветошью и выглядѣвшій тутъ чуть не царскимъ нарядомъ!..

— Выпьемъ!—Попойка разгоралась. Капотъ наклонился и шепталъ мнѣ:—Вотъ, видите сами,—хороши! Вотъ они теперь заняты; уйдемте, я хочу похоронить мое сокровище и сонъ!.. Мнѣ пришла эта мысль потому, что я боюсь его потерять, или кто-нибудь украдетъ и тогда... это страшное видѣнье опять одолѣетъ мою бѣдную голову... Слышите? слышите!.. оно проситъ, оно умоляетъ, чтобы его не зарывать! А-а... вотъ и мой чередъ торжествовать! Не сегодня зарою я тебя! Нѣтъ, дай прежде насладиться твоимъ мученіемъ!—Философъ досталъ рукопись, оттуда выпалъ конвертъ, философъ быстро его подхватилъ и подозрительно уставился на мое лицо; но я сдѣлалъ самую равнодушную мину.

— Зачѣмъ-же вы ее таскаете съ собой, непремѣнно потеряете!

— Никогда! Я днемъ и ночью, ежечасно, ежеминутно помню о немъ! Не было еще мгновенія, чтобы я позабылъ о немъ!—Философъ наклонился къ уху и шепнулъ:—Я ношу его съ собой, чтобы мучить, будто собираюсь его хоронить!.. Пойдемте прочь!

Мы шли вдоль берега. Философъ мечтательно глядѣлъ на луну...

— Вы любили?—обратился онъ вдругъ ко мнѣ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:— Я считаю себя счастливымъ потому, что любилъ! Какъ я жалѣю тѣхъ, кто не испыталъ этого чувства, этихъ бурь радости и отчаянія... Я любилъ... вотъ она!..

Онъ протянулъ мнѣ руку съ конвертомъ.— Посмотрите!.. Я развернулъ конвертъ, досталъ фотографическую карточку, завернутую въ почтовую бумагу, исписанную стихами.

— Стихи мои! Ихъ не читайте—не хочу! И ее смотрите скорѣе, да не держите такъ близко ко мнѣ, я не хочу видѣть...

Съ портрета на меня глянули большіе каріе глаза, черные волосы большими косами падали по плечамъ, въ лицѣ было что-то грустное и въ то же время веселое. Я засмотрѣлся...

— Бросьте! Не могу больше!..—Я завернулъ карточку и отдалъ конвертъ ему. Онъ поцѣловалъ его.

— Милая, милая женщина!.. Она тоже не вѣрила въ смерть. Безъ нея пусто, пусто!.. Они ее живую зарыли, а какая она милая лежала въ гробу. И они сказали, что я сумасшедшій!..

— Ради нея,—сказалъ я,—ради ея памяти вамъ надо не такъ жить, не опускаться! Вѣдь она васъ видитъ!..

Философъ глянулъ на меня, въ глазахъ мелькнула какая-то радостная искорка и снова потухла...

— Поздно... шепнулъ онъ, и губы его передернуло... Мы помолчали, потомъ онъ вдругъ взялъ меня за руку и быстро заговорилъ:— Такъ вы жалѣете меня? Можно къ вамъ приходить?—Онъ сунулъ карточку въ рукопись и спряталъ все за пазуху.

— Это и было ваше сокровище, о которомъ вы утромъ не хотѣли говорить,—карточка?!

— Да, это единственное мое сокровище! Главное, надо беречь сонъ... Пока рукопись цѣла, я покоенъ. Если ее уничтожить или потерять, сонъ насядетъ на меня второй разъ, и я не выдержу, я съ ума сойду... Нельзя-ли къ вамъ сейчасъ?

— Можно!

Мы пошли...

— Говорятъ, ее удушили? -вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ онъ, но я уже зналъ, о комъ идетъ рѣчь...

— Удушили? кто-же?

— Все равно! Она жива, хоть ее и зарыли живую въ землю! Она жива... она со мною, я ее чувствую!.. Она зоветъ меня, слышите? Прощайте, я пойду къ ней!—И онъ внезапно повернулся и исчезъ...

Проѣхавъ версты четыре, я пустилъ поводъ и двинулся шагомъ... Луна скрылась,

но было довольно свѣтло. По бокамъ тянулись фруктовые сады. Показался запущенный, заглохшій пустырь. Подъ деревомъ сидѣли двѣ фигуры; по голосамъ узналъ я учителя и доктора...

— Пойдемъ къ нимъ! говорилъ докторъ.— Пойдемъ, выпьемъ—въ картишки сыграемъ!

— Не могу, противно мнѣ! Иди одинъ!..

— Ну, ужь посижу! Всю жизнь, худо-ли хорошо-ли, а всю жизнь неразлучны,—куда-же я безъ тебя!

— А хорошій ты, Миша!

— Бываютъ хуже—да рѣдко!..

— А что? Хотѣлъ-бы ты вернуть прошлое?

— Нѣтъ! Моя жизнь такая дрянная, что ни одного, кажется, дня не припомнишь, чтобы вновь пережить захотѣлось! Да и какъ-то все равно стало; кажись, приди теперь отецъ родной, такъ и то все равно...

— А если-бы жена?

— Опять! То жена, то сынъ! Да что ты! Скажи мнѣ, ужь не ѣдетъ-ли сюда жена твоя?

— Ну, а что-бы ты тогда на моемъ мѣстѣ сталъ дѣлать? Обрадовался-бы?

— Женѣ?.. Нѣтъ, чортъ съ нею! Не надо мнѣ никого...

— А въ Россію не хочешь? Уѣдемъ-ка мы съ тобой, голубчикъ, отсюда съ партіей старыхъ солдатъ на родину! Увидимъ тѣ мѣста, гдѣ мы лучше были, были чистыми... юношами!.. А помнишь, какъ мы мечтали?— Лицо доктора стало размягчаться.

— Ну, гдѣ-ужь намъ, такимъ страшнымъ, на родину!..—Да! славная была твоя женка!— прибавилъ затѣмъ докторъ.—На акушерскіе курсы пошла!..

— Ну, что-жь! тихо проговорилъ учитель.— Жертвы всегда нужны... Но все это ничего, а какъ вспомню этотъ скандалъ... Боже, и теперь щеки пылаютъ!.. Но главное—струсилъ! Пусти тогда пулю я себѣ въ лобъ!.. Трусъ... Подлецъ и трусъ... Силъ нѣтъ! И знаешь, трусу легче отравиться, чѣмъ застрѣлиться, потому что онъ утѣшается инстинктивнымъ сознаніемъ, что смерть не сейчасъ-же наступитъ!..

— Ну, ужь если-бы я рѣшилъ, я-бы повѣсился!

Учитель взглянулъ на доктора и вздрогнулъ...

— Товарищъ мой дорогой! Давай еще поговоримъ о томъ миломъ времени... Вспомни, какъ мы ѣхали! А Марья Ивановна твоя! Какая она была хлопотливая хозяюшка!..

— И зачѣмъ ты ворошишь мнѣ душу!? Не возвратишь!—Голосъ доктора задрожалъ. — Лучше вспомни, какъ пріѣхали мы въ Ташкентъ, и Маша хлопотала... Тутъ ее въ первый разъ этотъ проклятый Пастуховъ увидалъ и плѣнился.

— А хотѣлъ-бы ты ее увидѣть?

— Ее?.. Въ такомъ видѣ?!.. Лучше удавлюсь!..

Учитель порывисто воскликнулъ:

— Да, лучше удавиться!..

Слышно было, какъ онъ рѣшительно всталъ съ земли...

— Идемъ, братъ, къ нимъ! Идемъ! сказалъ онъ.

— Идемъ! Ужь напьюсь-же я сейчасъ!..

V.

Костеръ догоралъ. У костра на землѣ валялись фигуры, кто какъ попало. Сидѣло только двое, и тѣ безсвязно жаловались и хныкали, обнявшись и не слушая другъ друга... Только слышались чьи-то рыданья: это блѣдный мальчикъ рыдалъ во снѣ, вѣрно, снилось ему его дѣтство, его мать!.. Докторъ быстро подошелъ къ двумъ сидящимъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ учитель отошелъ отъ него, и скрылся къ камышахъ. Тамъ онъ сѣлъ на камень и вынулъ изъ кармана письмо. Онъ то читалъ, то шепталъ... прижималъ письмо къ груди:—Милый, милый мальчикъ! «Пріѣду приголубить, успокоить старика!..» Голубчикъ! Меня-то ты «папой» называешь, меня... «Пріѣду; ты, вѣрно, усталъ!» Нѣтъ, невозможно! Стыдъ, поздно... лучше смерть... Боже мой! Зачѣмъ все это? Зачѣмъ узналъ я, что у меня есть сынъ, что онъ помнитъ меня, что я могъ-бы... О, милый, дорогой мальчикъ! Ты великодушенъ, но я не хочу, не могу!.. Прости!.. Я уйду съ твоей дороги! Пріѣхать сюда и застать здѣсь эту старую, подлую, падшую гадину!.. За что!..

Старикъ разорвалъ письмо на части и бросилъ лоскутки бумаги. Направившись затѣмъ къ городу и достигнувъ его, онъ обернулся, свернулъ въ какой-то переулокъ — и исчезъ въ большомъ саду...

На другой день весь городъ говорилъ о странномъ происшествіи: — «Зачаулинецъ-учитель повѣсился въ фруктовомъ саду»...

— Ну, туда ему и дорога!—говорили одни.— Пора ему было покончить!—говорили другіе. Только одинъ человѣкъ плакалъ, рвался надъ трупомъ .. Это былъ старый докторъ! Онъ рвалъ свои сѣдые волосы и билъ себя кулакомъ въ грудь.

— Старый я дуракъ! Ну, какъ могъ я оставить его?! Голубчикъ мой!.. И какъ это я не догадался! Вѣдь, видно было, что онъ что-то затѣваетъ!..

Благотворительное общество хотѣло похоронить несчастнаго на свой счетъ, но зачаулинцы отказались. Они достали изъ-за подкладки покойнаго зашитые десять рублей — и справили все, что нужно было... Странно было видѣть этотъ пестрый кортежъ за гробомъ! Эти опухшія лица смотрѣли такъ грустно, торжественно... Мой другъ въ капотѣ печально качалъ головой и говорилъ:

— Вѣдь, говорилъ я, гоните прочь мысль о смерти! Вотъ и болѣнъ не былъ, а умеръ...

Гробъ опустили въ вырытую въ концѣ кладбища яму. Докторъ печально присѣлъ на свѣжемъ холмѣ.

Всѣ поняли его желаніе остаться одному и незамѣтно удалились...

КОНЕЦЪ.

Судьба двухъ портретовъ.

Разсказъ **Кандэсъ Уилера.**

Самымъ замѣчательнымъ предметомъ въ комнатѣ былъ портретъ. Можетъ быть, это происходило оттого, что изображенная на немъ фигура носила отпечатокъ непринужденной граціи, которая бываетъ естественною и неотъемлемою принадлежностью красивой женщины, но никакъ не ея портрета.

Она смотрѣла съ холста прямо передъ собой, какъ-бы прислушиваясь къ чему нибудь или кому нибудь, интересующему ее. Въ одной рукѣ, свободно лежащей на другой, она держала розу, цвѣтъ которой былъ гораздо гуще облекавшаго ее ярко-розоваго бархатнаго платья. Постановка головы на стройной полной шеѣ напоминала граціозный наклонъ лиліи, а темно-каштановые волосы, вившіеся надъ ея лбомъ двумя волнистыми завитками, легкими, какъ кольца дыма, раздѣлялись по серединѣ едва уловимою полоскою пробора, придававшаго оттѣнокъ величаваго благородства всему лицу.

Овалъ, самъ по себѣ, былъ безукоризненъ, съ бровями, соотвѣтствовавшими изгибамъ волосъ, между тѣмъ, какъ открытый взоръ и твердый, улыбающійся ротъ производили впечатлѣніе душевнаго благородства и внѣшняго совершенства.

Помимо того, что портретъ этотъ былъ изображеніемъ красивѣйшей изъ женщинъ, онъ самъ по себѣ представлялъ произведеніе искусства высшаго достоинства. Общая прелесть его и грація довершались необычайною законченностью. Нѣжность тѣла со всѣми его мягкими оттѣнками, роскошныя массы волосъ, розовый цвѣтъ бархата на платьѣ, воздушная ткань кружевъ, волнами ниспадавшихъ съ ея бѣлыхъ плечъ, переданы были мастерскою рукой, привычной къ созданію иллюзій, при точной передачѣ аксессуаровъ.

Въ чемъ-же заключается торжество художника, какъ не въ воспроизведеніи красоты, реальномъ до осязаемости, въ передачѣ изящества со всѣми его тонкостями, въ точномъ подражаніи дѣйствительности. Предметы, доступные нашему зрѣнію, осязанію и чувству, составляющіе принадлежность нашей жизни, бываютъ не столь долговѣчны, какъ художественное воспроизведеніе живописцемъ, которое часто переживаетъ дѣйствительность, когда послѣдняя превращается въ тлѣнъ и прахъ.

Можетъ быть, именно это и чувствовалъ мужчина, сидѣвшій передъ портретомъ, погруженный въ созерцаніе изображенія своей покойной жены. Онъ страстно любилъ ее, исключительно жилъ ею и для нея, насколько подобное чувство доступно только честолюбивому человѣку, избалованному успѣхами въ жизни.

Пока она была жива и принадлежала ему всецѣло, онъ едва ли сознавалъ существованіе другихъ женщинъ на свѣтѣ. Красота ея содѣйствовала его славѣ, добротою ея онъ гордился, равно какъ ея умомъ и любезностью, а между тѣмъ, сидя теперь передъ ея изображеніемъ, ярко освѣщеннымъ лампой, чувствуя, что она составляла живую, существенную часть его жизни, онъ говорилъ себѣ тѣмъ не менѣе, что, не дальше какъ завтра, онъ вступаетъ въ бракъ съ другою женщиной.

Онъ невольно спрашивалъ себя, неужели это дѣйствительно возможно? Вѣдь та, что изображена на портретѣ, такъ реальна и дорога ему, почти столько-же, какъ еслибъ она въ дѣйствительности присутствовала въ комнатѣ, сидя тутъ во плоти и словами отвѣчая на его мысли; а между тѣмъ въ эту самую библіотеку, гдѣ царила его Лилли въ своей безсмертной красотѣ, онъ собирался на глазахъ ея ввести другую женщину, въ качествѣ своей жены.

Поступокъ этотъ представлялся ему въ ужасающемъ видѣ. Онъ испытывалъ ощущеніе кошмара, отъ котораго желалъ-бы очнуться и убѣдиться, что онъ еще не связанъ никакими подобными путами.

Но почему-же—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—предстоящій шагъ его представлялся ему такимъ ужасающимъ? Онъ любилъ одну женщину и утратилъ ее,—затѣмъ снова полюбилъ другую и побѣдилъ ее. Въ фактѣ этомъ не было ничего страннаго и необычайнаго. Къ тому-же, эта новая привязанность